Ю. БАЛТРУШАЙТИСЪ

ЗЕМНЫЯ СТУПЕНИ

ЭЛЕГІИ ПѢСНИ
ПОЭМЫ

МОСКВА
К-ВО «СКОРПІОНЪ»
MDCCCCXI

съ искреннимъ преклоненіемъ

авторъ

Ю. Балтрушайтисъ

Рисунокъ обложки взятъ изъ книги: «Il Palazzo Ducale di Venezia illustrato da Francesco Zanotto. Venezia 1842», съ гравюры М. Комирато, которая воспроизводитъ надпись въ честь Генриха III Французскаго, высѣченную скульпторомъ Александромъ Витторіа во внутренней галлереѣ Дворца Дожей противъ Лѣстницы Гигантовъ.

Ю. Балтрушайтисъ

Земныя Ступени

ЭЛЕГІИ, ПѢСНИ, ПОЭМЫ

Москва—1911
Книгоиздательство «Скорпіонъ»

ТОГО ЖЕ АВТОРА

готовятся къ печати:

Горная Тропа. Вторая книга стиховъ.

Спутники Колумба. Трагическая поэма въ трехъ видѣніяхъ съ прологомъ.

Искры въ пеплѣ. Драматическіе эпилоги.

ТИП. О-ВА РАС. ПОЛ. КНИГЪ. ПРЕЕМН. В. И. ВОРОНОВЪ, МОХОВАЯ, Д. КН. ГАГАРИНА.

Марии Б.

Вся мысль моя—тоска по тайнѣ звѣздной..
Вся жизнь моя—стоянiе надъ бездной...

Одна загадка—громъ и тишина,
И сонная безпечность и тревога,
И малый злакъ и въ синихъ высяхъ Бога
Ночныхъ свѣтилъ живыя письмена..

Не дивно ли, что, чередуясь, дремлетъ
Въ цвѣткѣ зерно, въ зернѣ—опять расцвѣтъ,
Что нѣкiй кругъ связующiй объемлетъ
Просторъ вещей, которымъ мѣры нѣтъ!

Вся наша мысль—какъ нѣкiй сонъ безцѣльный...
Вся наша жизнь—лишь трепетъ безпредѣльный...

За мигомъ мигъ въ таинственную нить
Власть Вѣчности, безстрастная, свиваетъ,
И горько слѣпъ, кто сумрачно дерзаетъ,
Кто хочетъ смерть отъ жизни отличить...

Какая боль, что грозный храмъ вселенной
Сокрытъ отъ насъ великой пеленой,
Что скорбно мы, въ своей тоскѣ безсмѣнной,
Стоимъ, вѣка, у двери роковой!

ВЕСЕННЯЯ РОСА

Und alles war erquickt
mich zu erquicken.
G o e t h e.

The wind is blowing
on the waving reeds,
The wind is blowing on the heart of man.
W i l l i a m B. Y e a t s.

УТРЕННІЯ ПѢСНИ.

I

Запылала заря передъ шествіемъ дня!
Ночь скликаетъ къ ущельямъ туманы,
И жемчужной толпой, въ поясахъ изъ огня,
Разступаются тучъ караваны...

Обнажился просторъ средь росистыхъ долинъ,
Въ безконечность откинулись дали,—
Будто съ Божьихъ высотъ, съ заповѣдныхъ глубинъ,
Всѣ завѣсы надъ міромъ упали...

Встрепенулся заливъ—вырастаетъ волна,
Загремѣла въ неистовствѣ дикомъ,
И разбилась, какъ звонкій сосудъ, тишина
Въ ликованіи утра великомъ...

II

Великій часъ! Лучистая заря
Стоцвѣтный вѣеръ свой раскрыла на востокѣ,
И стаи птицъ, въ сіяніи паря,
Какъ будто плещутся въ ея живомъ потокѣ...

И звукъ за звукомъ, дрогнувъ въ тишинѣ,
Надъ лѣсомъ, надъ рѣкой, надъ нивой тучной,
Стремится къ небесамъ, синѣющимъ въ огнѣ,
Смѣется и зоветъ изъ глубины беззвучной...

Въ росистый кругъ земли, раскрывшійся, какъ чаша,
Что пѣнное вино, струится знойный день,
И каждый холмъ—на празднество ступень,
И каждый мигъ—обѣтъ, что радость жизни—наша!

III

Чу! Свѣтаетъ! Сумракъ таетъ,
Обнажается земля...
День пригожій, праздникъ Божій,
Льется въ сонныя поля...

Онъ обильно, и всесильно,
Брызжетъ золотомъ лучей,
Въ мірѣ дымномъ свѣтлымъ гимномъ
Дышитъ шире, горячѣй...

Раскрывая, развѣвая
Вереницы облаковъ,
Зеленѣетъ, голубѣетъ
Моремъ льна и васильковъ...

Съ пѣсней вольной, колокольной,
Чудо жизни день творитъ,
На просторѣ, точно море,
Блещетъ, искрится, горитъ!

IV

С. А Полякову.

Развѣтныя волны качаютъ ладью—
Живая хвала бытiю!

Безмѣрныя дали—въ вѣнчальномъ огнѣ,
И солнце и море—во мнѣ...

Надъ глубью лазурной, не знающей дна,
Я самъ—кочевая волна...

Пирую, кружусь на пиру свѣтовомъ,
Какъ искра въ пожарѣ живомъ...

Предъ чудомъ сверканья безсмертныхъ зарницъ
Я, смертный, не падаю ницъ,—

*

Межъ мной и вселенною, въ часъ полноты,
Не стало раздѣльной черты...

Міръ—тихое пѣнье въ рѣдѣющей тьмѣ,
Я—пламя молитвы въ псалмѣ...

Играютъ, дробятся на мачтѣ лучи,—
Мой парусъ—изъ яркой парчи!

Съ молитвеннымъ звономъ, какъ хоръ неземной,
Мелькаетъ волна за волной...

И каждая тихую сказку поетъ,
Что сердце людское цвѣтетъ!

ПАСХАЛЬНЫЙ ЗВОНЪ.

Дрогнулъ въ мірѣ звонъ пасхальный,
Вспыхнулъ свѣтъ въ душѣ опальной!
Ярче, ярче искра Божья
Средь земного бездорожья...
Люди, дѣти сна и тѣни,
Становитесь на колѣни!

Сладокъ гулкій звонъ воскресный,
Голосъ вѣчный, зовъ небесный...
Въ мірѣ смерти, въ мірѣ боли,
Молкнетъ ропотъ темной воли...
Побѣждаетъ искра Божья
Тьму земного бездорожья,—
Дѣти сна и дѣти тѣни,
Припадайте на колѣни!

ВЪ МОРѢ.

Глубокъ, лазуренъ небосводъ,
Свѣтло-бурна безбрежность водъ,
Сдвигается за гранью грань,—
Мой плѣнный духъ, возстань!

Легко плыветъ, дорогой грозъ,
Въ небесныхъ высяхъ альбатросъ...
Что высь—что долъ—что даль—что близь,—
О, сердце, окрылись!

Въ тотъ мигъ, когда тебѣ дана
Вся неземная глубина,
Гдѣ всѣ мечты твои слились,
Молись, душа, молись!

ДѢВИЧЬИ ГРЕЗЫ.

Дѣвичьи грезы—какъ тучи разсвѣтныя,
Что въ поднебесьи парятъ, золотистыя,
Въ свѣтломъ пареньи свѣтло-беззавѣтныя,
Солнцемъ раскрытыя, зыбкія, чистыя...

Въ высяхъ лазурныхъ онѣ разгораются,
Смотрятся въ бездны, гдѣ волны напѣвныя,—
Рано на огненный пиръ собираются
Въ дали великія, дали полдневныя...

Утреннимъ помысламъ, ихъ трепетанію,
Мѣра и сроки въ вѣкахъ не указаны,—
Грезы разсвѣтныя—гимнъ мірозданію,
Солнечнымъ пламенемъ сердцу подсказанный.

Дѣвичій жребій таинственно сладостенъ...
Въ юныхъ мечтаньяхъ—князья, королевичи...
Святъ и зиждителенъ, ясенъ и радостенъ
Міръ расцвѣтающій, утренній, дѣвичій...

СЛАВЬСЯ, УТРО.

Ты каждый день, жемчужно-золотое,
Приходишь къ намъ изъ Божьей глубины—
Сзывать сердца на пиршество земное,
Возжечь людскіе трепетные сны!

Едва—взметнувъ свой факелъ огнецвѣтный—
На выси горъ Ты кинешь первый лучъ,
Ты всюду въ мірѣ слышишь гимнъ отвѣтный,
Гдѣ каждый возгласъ празднично-пѣвучъ...

Сверкнувъ росой на каждомъ горномъ склонѣ,
Ты льешься, съ пѣньемъ, въ каждый дымный долъ,
Дрожишь, гудишь—и въ колокольномъ звонѣ
И въ радостномъ жужжаньи первыхъ пчелъ;

Въ Твой звонкій часъ, въ готовности раскрыться,
Просторъ лишь ждетъ вѣнчальнаго луча,
Чтобъ трепетомъ сверканья озариться,
Чтобъ стала жизнь, какъ пламя, горяча...

Но если Ты своей лазурной славой
Зажгло поля и дали зыбкихъ водъ
И пронеслось надъ сонною дубравой,
Какъ звонкихъ вихрей свѣтлый хороводъ;

И если Ты, живымъ прикосновеньемъ,
Коснулось ярко каждаго цвѣтка
И свой же лучъ волшебнымъ дуновеньемъ
Спѣшишь раздуть въ порывѣ вѣтерка,—

Ты все жъ нигдѣ съ такою силой знойной,
Такъ пламенно, раскрыться не могло,
Пока, во мглѣ, своею пѣсней стройной
Людское сердце въ мірѣ не зажгло!

Едва пастухъ, на Твой призывъ звенящій,
Запѣлъ о часѣ радостныхъ чудесъ,
Уже оно, что птица въ темной чащѣ,
Пріемлетъ кличъ отъ пламенныхъ небесъ,—

Твой горній свѣтъ, пролившійся обильно,
Воззвалъ къ нему, склоненному ко сну,
И вотъ, оно теперь уже безсильно
Свою—Твою—измѣрить глубину!

Еще въ ущельяхъ дымныхъ тихъ
Стоустый шумъ заботъ людскихъ,
Еще въ горахъ туманъ ночной
Виситъ, дымясь, надъ крутизной,—
Уже земля обнажена,
Какъ ширь, какъ даль, какъ глубина,
И всюду ливнемъ изъ огня
Поетъ—пылаетъ радость дня...
И въ первый гулъ и въ первый крикъ
Неудержимый пылъ проникъ...
Какою сказкой неземной
Сверкаетъ въ мірѣ ранній зной!
Какая сила у луча,
Какъ ласка жизни горяча!

Безконечно шумна свѣтовая волна,
Гдѣ, въ жемчужномъ вѣнцѣ, голубѣетъ весна,
Гдѣ, какъ огненный щитъ, Божье Утро горитъ,—
Гдѣ просторъ безпредѣльно раскрытъ...

Много замкнуто въ ней искрометныхъ огней,
И мгновеній и долгихъ безоблачныхъ дней,
Что зажгутся не разъ, какъ рубинъ, какъ алмазъ,
Въ благодатный, строительный часъ...

Въ брызгахъ синей волны, неземной глубины,
Вспыхнутъ мысли, засвѣтятся вѣщіе сны,—
Оросятся поля, утолится земля,
О продленіи часа моля!

Подъ дождемъ огневымъ станетъ сердце живымъ,
Беззавѣтно-упорнымъ, разсвѣтно-инымъ,—
И заискрятся всѣ въ первозданной красѣ,
Какъ сіяніе Утра въ росѣ!

Льются волны вѣнчальнаго свѣта
Въ безпредѣльный просторъ безъ конца,
Чтобы вспыхнуло празднество лѣта
И на нивѣ и—въ сердцѣ жнеца!

Въ ликованіи кубковъ заздравныхъ,
На великомъ разсвѣтномъ пиру,
Нѣтъ у знойнаго солнца неравныхъ,
Невплетенныхъ въ живую игру,—

То, что вспыхнуло въ сердцѣ усталомъ,
То, что солнце зажгло въ небесахъ,—
Трепетанье въ великомъ и маломъ,
Равновѣсно на вѣчныхъ вѣсахъ,—

Всюду, Утро, безмѣрно и щедро
Воспылало Твое торжество—
Да расторгнутся темныя нѣдра
Благодатью луча Твоего!

ВЪ ЛѢСУ.

Тишь... Безмолвіе лѣсное...
Безмятеженъ ранній день,—
Листъ не дрогнетъ въ ровномъ зноѣ,
Ни узорчатая тѣнь...

Вдоль тропинки, незабудки
Притаились въ полумглѣ,—
Золотые промежутки
Протянулись по землѣ...

Только звонко захохочетъ
Птица въ зелени вѣтвей,
Только бѣгаетъ—хлопочетъ
Дѣловитый муравей...

Чу! Надъ свѣтлою дремотой
Пробѣжалъ веселый свистъ
И, сверкая позолотой,
Заметался влажный листъ...

Въ даль ли глянешь, въ глубь ли, въ высь ли,
Всюду—трепетъ, шелестъ, дрожь...
Только вникни, только мысли,
Все узнаешь, все поймешь!

МОЙ ХРАМЪ.

Мой свѣтлый храмъ—въ безбрежности
Развернутыхъ степей,
Гдѣ нѣтъ людской мятежности,
Ни рынковъ, ни цѣпей,—
Гдѣ такъ привольно, царственно,
Пылаетъ грудь моя
Молитвой благодарственной
За чудо бытія...

Мой тайный храмъ—надъ кручами
Зажженныхъ солнцемъ горъ,
Мой синій храмъ за тучами,
Гдѣ свѣтелъ весь просторъ,
Гдѣ сердцу сладко дышится
Въ сіяніи вершинъ,
Гдѣ лишь туманъ колышется
Да слышенъ гулъ лавинъ...

Моя святыня вѣчная—
Въ безгранности морской,
Гдѣ воля безконечная—
Надъ малостью людской,
Гдѣ лишь тревога бурная
Гремитъ своей трубой,
Гдѣ только высь лазурная
Надъ бездной голубой...

АККОРДЫ.

Какъ раздумье въ сердцѣ мирномъ,
Въ свѣтломъ морѣ валъ встаетъ,—
О великомъ, о всемiрномъ
Долѣ будничной поетъ...

Этой вѣстью, неземною,
Утоляется душа,
Точно влагою живою
Изъ волшебнаго ковша...

О, блаженство—мигъ отъ мига,
Въ полнотѣ, не различать,—
Звенья жизненнаго ига
Безконечно размыкать!

LA GAJA SCIENZA.

I

Живую душу всюду ждетъ
И яркій мигъ, и свѣтлый годъ
И пламя радостныхъ заботъ...

Хотя бъ кругомъ дышалъ самумъ,
Вездѣ найдетъ свободный умъ
Живой источникъ вѣщихъ думъ...

Есть искра свѣта въ каждой тьмѣ,—
Есть мигъ свободы и въ тюрьмѣ,—
Есть кладъ и въ нищенской сумѣ,—

И много въ нѣдрахъ безднъ ночныхъ
Зарницъ, мгновеній огневыхъ,
Но ихъ сверканье—для живыхъ...

II

Въ игрѣ мгновеній, въ смѣнѣ лѣтъ,
Безмѣрна мощь луча,
Намъ жизнь во всемъ, гдѣ вспыхнулъ свѣтъ,
Правдиво горяча,
Намъ лучъ вездѣ поетъ привѣтъ,
Ликующе звуча...

Онъ вѣчно падаетъ съ небесъ,
Какъ вѣсть о знойномъ днѣ,
О томъ, что въ мірѣ часъ чудесъ
Заискрится вдвойнѣ,
Что къ часу жатвы должный вѣсъ
Утроится въ зернѣ,—

Онъ въ мірѣ радостно горитъ
Идущимъ въ даль—искать,
Онъ всякій сумракъ озаритъ,
Намъ нужно лишь алкать,—
Онъ даже въ сѣромъ камнѣ скрытъ,
Лишь нужно высѣкать...

ВЪ ГОРАХЪ.

Gloria in excelsis Deo!

Просторъ! Раздолье дикое!
Безмѣрна глубь небесъ...
День—таинство великое,
День—чудо изъ чудесъ...

Раскрылись дали знойныя,
Какъ бездны синей тьмы...
Я слышу вихри стройные,
Поющіе псалмы...

Какъ звонъ, они проносятся
Въ пространствѣ безъ конца,—
Поютъ, взываютъ, просятся
Въ мое—во всѣ сердца...

Съ безмѣрнымъ ликованіемъ
Смѣняются часы,
Весь міръ объятъ сіяніемъ,
Что капелька росы!

Пылаетъ вѣчной славою
Святыня бытія,
Я въ свѣтломъ морѣ плаваю,
Мой парусъ—мысль моя!

БЕЗПЕЧНОСТЬ.

Мой день пѣвуче-безмятеженъ,
Мой часъ, какъ облачко, плыветъ
И то, что вечеръ неизбѣженъ,
Меня къ унынью не зоветъ...

Въ лѣсу ли вихрь листвой играетъ,
Иль мчитъ потокъ волну свою,—
Все, все мой духъ вооружаетъ
Живымъ довѣрьемъ къ бытiю...

Мой путь—по Божьему указу—
Свѣтло направленъ въ ширь долинъ,
Гдѣ ясенъ мiръ, привольно глазу,
Гдѣ я съ мечтой своей одинъ...

Все выше солнце—тѣнь короче,—
И пусть затѣмъ скудѣетъ зной,
Еще не скоро холодъ ночи
Дохнетъ безвѣстной тишиной...

Когда же золотомъ и кровью
Заблещетъ вечеръ въ небесахъ,
Я съ тихимъ жаромъ и любовью
Благословлю дорожный прахъ...

И въ часъ, когда волна дневная
Отхлынетъ прочь, за край земли,
Мой духъ заманитъ тьма ночная
Въ глубины звѣздныя свои...

ПОЛДЕНЬ.

Полдень... Мѣры нѣтъ простору!
Высь и долы—кругъ огня...
Весела дорога въ гору,
Къ золотой вершинѣ дня!

Въ юномъ сердцѣ—въ знойномъ небѣ—
Тишь—сіянье—синева...
Славься, въ жизни, каждый жребій!
Звонче, гордыя слова!

Грусть ли первой долгой тѣни
Поразитъ тревогой насъ,—
Другъ мой свѣтлый, мы безъ пени
Встрѣтимъ каждый тайный часъ...

Вихрь примчится ль, лугъ ероша...
Міръ—ромашка, ты—пчела,—
Пусть твоя земная ноша
Будетъ сладко тяжела...

ЦВѢТОКЪ.

Цвѣтокъ случайный, полевой,
Я—твой двойникъ, я—рыцарь твой!

Какъ ты узоръ по лепестку,
Свои мечты я въ сердцѣ тку...

Тебѣ я грезами сродни,
И въ цѣломъ мірѣ мы—одни...

Одинъ на свѣтѣ трудъ у насъ—
Какъ жить—цвѣсти въ полдневный часъ,—

Какъ Божьимъ свѣтомъ, синевой,
Наполнить малый кубокъ свой!

Цвѣтокъ мой, слушай—не дыши,
Мы—двѣ раскрывшихся души...

Одна весна намъ въ мірѣ мать,
Нашъ жребій—вмѣстѣ умирать...

Мы—вся нарядность бытія,
Насъ въ мірѣ двое:—ты да я!

ВѢТЕРЪ.

К. Бальмонту.

Мчится въ полѣ вихрь мятежный,
Воетъ, мечется, поетъ,
Обвѣвая міръ безбрежный,
Вѣять—жить не устаетъ...

Выть ли, въ бѣгѣ къ дали синей,
Тамъ, гдѣ утро зажжено,
Или тамъ, гдѣ сумракъ, иней,
Вѣтру въ мірѣ все равно...

Въ морѣ, въ полѣ—та же воля,
Всюду звонокъ свистъ и вой,—
Весела земная доля
Въ часъ тревоги грозовой...

Мчится вѣтеръ, вихремъ гнѣвнымъ
Пыль взрывая въ небеса,
Съ визгомъ, присвистомъ напѣвнымъ,
Развѣвая паруса...

Если, вдругъ туманя долы,
Туча солнце обовьетъ,
Онъ ей броситъ зовъ веселый,
Въ клочья, въ хлопья изорветъ...

Ширитъ вихрь, свирѣль живая,
Звонъ вблизи и звонъ вдали,—
Воетъ, вѣетъ, раздувая
Искру свѣтлую въ пыли...

ГОРНОМУ РУЧЬЮ.

Помедли, радостный ручей,
Въ тиши вершинъ, въ игрѣ лучей,
У грани свѣтлыхъ сновъ...

Умѣрь свой бѣгъ, свой шумъ смири
Въ великій часъ нѣмой зари,
Гдѣ каждый жребій новъ...

Здѣсь, какъ алмазъ, горятъ снѣга,
Цвѣтутъ нагорные луга,—
Покой, сіянье, тишь...

И бросивъ въ даль свою струю,
Служа иному бытію,
Ты вѣчное смутишь...

Здѣсь свой безмѣрный синій храмъ
По древнимъ кручамъ, по горамъ,
Свѣтло раскинулъ день,—

А тамъ, въ ущельѣ,—илъ и пыль,
На много верстъ, на много миль,
Плотины, мель и тѣнь...

Насъ вновь никто не вознесетъ
Въ просторъ ликующихъ высотъ,
Гдѣ солнцемъ грудь жива,—

Еще успѣешь, въ глубинѣ,
Кипѣть, шумѣть на темномъ днѣ,
Ворочать жернова...

РАЗДУМІЕ.

Мигъ мелькаетъ—день плыветъ,
Утро сѣетъ—вечеръ жнетъ...
Гаснутъ искорки росы—
Чередуются часы!

Въ синій полдень, въ полѣ льна,
Ходитъ синяя волна,—
Пестрымъ цвѣтомъ лугъ поросъ,
Жаль, что скоро сѣнокосъ...

Свѣтелъ мирный шелестъ ржи
Вдоль извилистой межи,
Строенъ каждый стебелекъ,—
Точно ль серпъ еще далекъ!

День проходитъ—жизнь идетъ,
Жребій сѣетъ—доля жнетъ,—
Зрѣетъ малый трудъ раба,
То-то будетъ молотьба!

AVE, STELLA MARIS.

Дымно таетъ берегъ плоскій...
Веселъ кормчій у руля...
Еле видимой полоской
Обозначилась земля...

Вся клокочетъ ширь морская...
Я—одинъ надъ синей тьмой...
Вихри пѣны въ высь взрывая,
Воетъ бездна подъ кормой...

Крѣпче, буря, парусъ бѣлый
Въ часъ вѣнчальный напряги,
Чтобъ во славу воли смѣлой
Разомкнулись всѣ круги!

Шумно, въ бѣгѣ безконечномъ,
За волной встаетъ волна...
Я одинъ въ ихъ спорѣ вѣчномъ—
И покой и тишина...

Безъ тревоги, безъ печали,
Бродитъ въ сердцѣ новый хмель,
И свѣтло мнѣ снятся дали
Неизвѣданныхъ земель...

ОТПЛЫВАЮЩИМЪ.

К. Бальмонту.

Воздѣньте руки! Пробилъ часъ желанный...
Скрѣпи, Творецъ, упорство смѣльчаковъ,
Плывущихъ въ даль земли обѣтованной,
Гдѣ сбудется великій сонъ вѣковъ...

Глухую тишь людской обычной доли
Смѣняетъ жребій, правящій волной,
Чтобъ вызвать въ сердцѣ трепетъ новой воли
И радостно расторгнуть кругъ земной.

Отъ берега печали одинокой,
Какъ тайный зовъ, какъ огненный обѣтъ,
Уводитъ насъ, на пиршество безъ срока,
Въ морскую ширь, безсмертный звѣздный свѣтъ...

Безтрепетна средь бури грудь живая,
Довѣрчиво безвѣстности служа...
Въ сердцахъ у насъ—отвага грозовая,
На нашей мачтѣ—знамя мятежа!

Аминь! Аминь! Пріемля долгъ скитанья,
Измѣрьте мощь невѣдомой судьбы...
Нашъ свѣтлый Богъ—великій Богъ алканья...
Нашъ грозный Богъ—суровый Богъ борьбы!

NOLI TANGERE CIRCULOS MEOS.

Слышу, слышу гулъ нестройный!
Меркнетъ Божья синева...
Стонутъ—воютъ безпокойно
Роковые жернова...

Шумъ борьбы глухой и тщетной,
Отложи свой горькій зовъ,—
Дай дослушать, въ часъ разсвѣтный
Вѣщій звонъ колоколовъ!

Пыль великая, земная,
Не взрывайся близъ меня,—
Дай мнѣ ярче, въ утро мая,
Осѣниться свѣтомъ дня...

Ропотъ грозный, стонъ полдневный,
Нескончаемый,—будь тихъ!
Не смущай тревогой гнѣвной
Мира тайныхъ сновъ моихъ!

Тише, тише, вихрь вечерній,—
Милосердіе—лучу!
Я несу въ обитель терній,
Въ домъ свой, вербную свѣчу...

ПОКЛОНЕНІЕ ЗЕМЛѢ.

С. А. Полякову.

Кончая день, въ вечернемъ свѣтѣ,
Гляжу все чаще на зарю
И, какъ мулла на минаретѣ,
Молитву громкую творю...

Земной поклонъ странѣ восточной,
Ея безбрежности хвала,
Что въ сумракъ міра въ часъ урочный
Живое солнце привела!

Хвала безоблачному югу
За синій полдень, трудный зной,
Что далъ цвѣты земному лугу
И долгій свѣтъ борьбѣ земной...

Хвала, хвала безмѣрной дали
Великихъ западныхъ міровъ
За щедрый даръ живой печали
И тишь жемчужныхъ вечеровъ...

Хвала и звѣздному простору
Пустынныхъ сѣверныхъ полей,
Что далъ тоскующему взору
Огни полуночи своей!

Кончая день, борьбу живую,
Объятый кроткой тишиной,
Я славлю Бога и цѣлую
Съ земнымъ поклономъ прахъ земной...

НОЧЬЮ.

В. С. Миролюбову.

Чутко спятъ тополя... Онѣмѣли поля...
Раскрывается ночь безконечная...
Звѣздъ исполненъ просторъ, въ ихъ лучистый уборъ
Наряжается бездна предвѣчная...

Пробуждается умъ для таинственныхъ думъ...
Взоръ стремится въ пространство безбрежное...
Въ тайный часъ тишины раскрываются сны
И смиряется сердце мятежное...

Чутокъ бдительный слухъ и уносится духъ
На безшумныхъ волнахъ Безконечности...
Въ звѣздномъ вихрѣ міровъ упадаетъ покровъ
Съ молчаливаго образа Вѣчности...

ДЫМНЫЯ ДАЛИ

Och fler och fler
ga stjärnor fram.
Vilhelm Ekelund

Nu har jag lodat sorgen liksom lyckan,
nu kan jag ge och ta.
Per Hallström

ПРИБОЙ.

Шумитъ, гремитъ дневное море
О неземные берега...
Смѣется счастье—плачетъ горе...
Со звономъ мечъ разитъ врага...
Грохочетъ громъ въ стихійномъ спорѣ...
Поетъ свирѣль у очага...

Взметнувъ высоко валъ свой гнѣвный,
Побѣдный мигъ, великій мигъ,
Вѣнчанный волею напѣвной,
Бросаетъ въ воздухъ гордый крикъ
О томъ, что ярко лучъ полдневный
Въ него сіяніемъ проникъ...

За нимъ, чуть пѣня глубь морскую,
Возсталъ другой, взрывая илъ,
И хлынулъ въ глушь береговую
Устало, грузно и безъ силъ,—
Какъ рабъ, что ношу роковую
Съ глухимъ проклятьемъ съ плечъ свалилъ!

И въ каждый мигъ—лишь съ силой разной—
Гудитъ прибой наединѣ,
То озабоченно, но праздно,
Какъ сердце темное во снѣ,—
Поетъ свой гимнъ однообразный
Непостижимой Тишинѣ...

СОНЕТЪ.

Валерію Брюсову.

Я весь поникъ предъ Господомъ живымъ,
Предъ таинствомъ полуночи бездонной
И чудомъ дня съ разсвѣтомъ золотымъ,
Ликующимъ въ долинѣ пробужденной...
Заря ль сверкнетъ сквозь воздухъ благовонный,
Иль на поля вечерній ляжетъ дымъ,
Я возношусь душой освобожденной
Въ Его пространство, къ далямъ вѣковымъ...

И сколь ничтоженъ, въ пламени Его,
Пустынный жаръ радѣнья моего,
Все, въ чемъ была душевная тревога!
Возстаньте, спящіе у Божьяго порога,
И, воздѣвая руки къ звѣзднымъ небесамъ,
Войдите, поздніе, во храмъ!

МОЛИСЬ ТОМУ—

Кто силу жизни далъ подснѣжникамъ и мхамъ,
И въ тайникахъ земли алмазу блескъ живой,
И радостный покой пустынныхъ горъ верхамъ,
И свѣтъ зарницы тучѣ кочевой...

Пославъ на темный бѣгъ бездомную волну,
Онъ въ должный часъ ей берегъ ниспошлетъ
И склонитъ, шумную, къ безтрепетному сну
На рубежѣ алканья и заботъ...

Онъ обвѣваетъ міръ дыханьемъ грозныхъ бурь,
Взрываетъ молніей полуночную тьму
И зыблетъ въ морѣ свѣтлую лазурь,—
Онъ дастъ тебѣ покой—и сердцу и уму—
Молись Ему!

ОТТОРЖЕННОСТЬ.

Все въ смертной долѣ двойственно,
Случайностью живетъ,—
Лишь низости несвойственно
Сверкнуть лучемъ высотъ.

Намъ въ мірѣ всѣ возможности
Для подвига даны, —
Стезею осторожности
Влачиться мы должны!

Всѣмъ жаромъ нашей малости
Мы требуемъ любви,
Но губимъ все безъ жалости
И мечемся въ крови.

Плыветъ нашъ день медлительно
Въ невѣдѣньи конца,—
Лишь свѣтлый сонъ не длительно
Баюкаетъ сердца...

Въ мучительномъ томленіи
Мы ищемъ полноты,
Но строимъ жизнь въ дробленіи
Усилья и мечты...

СЕРДЦЕ.

То отъ счастья, то отъ боли,
Бьется сердце поневолѣ,
Все стучитъ, стучитъ, стучитъ,—
Туча ль солнце затуманитъ,
Въ ожиданьи ли устанетъ,—
Не уймется, не молчитъ...

Все, что буднично, обычно,
Все, что празднично и зычно—
На сіяніе и тьму
Нужно дать отвѣтъ поспѣшно,
Изнывать ли безутѣшно,
Ликовать ли—одному...

То озлобленно, то нѣжно,
То сонливо, то мятежно—
Нужно биться въ темнотѣ,—
Съ каждымъ часомъ падать ниже,
Съ каждымъ мигомъ быть все ближе
Къ неразгаданной чертѣ...

Подчиняясь всякой долѣ,
Бьется сердце поневолѣ,
Точно узникъ цѣпи рветъ
Въ часъ свободы и подъ игомъ
Споритъ въ жизни съ каждомъ мигомъ,
Дышитъ, мечется, живетъ!

ПѢСНЯ.

К. Бальмонту.

Вырыты извилисто
Русла бытія,
И стезею илистой
Мечется струя...

Съ плескомъ несмолкающимъ
Вѣтеръ слилъ свой свистъ...
Горе погибающимъ—
Берегъ каменистъ!

Въ высь отвѣсно строится
Зданье темныхъ скалъ,
Негдѣ успокоиться,
Какъ бы ни усталъ!

Только вспыхнетъ сладостно
Въ пѣнѣ яркій лучъ
Да вольется радостно
Чистый Божій ключъ,—

Только въ ночь бездонную
Звѣзды съ высоты
Бросятъ въ бездну сонную
Искру красоты...

Въ колыбели илистой—
Свѣтлая струя...
Сумрачны, извилисты
Русла бытія!

МОЙ САДЪ.

Валерію Брюсову.

Мой тайный садъ, мой тихій садъ
Обвѣянъ бурей, помнитъ градъ...

Въ немъ знаетъ каждый малый листъ
Пустынныхъ вихрей вой и свистъ...

Завѣтъ Садовника храня,
Его растилъ я свѣту дня...

Въ немъ каждый злакъ—хвала веснѣ,
И каждый корень—въ глубинѣ...

Его просторъ, гдѣ много розъ,
Глухой оградой я обнесъ,—

Чтобъ сѣрый прахъ людскихъ дорогъ
Проникнуть въ храмъ его не могъ!

Въ немъ много—много пальмъ, агавъ,
Высокихъ лилій, малыхъ травъ,—

Что въ вешній часъ, въ его тѣни,
Цвѣтутъ—живутъ, какъ я, одни...

Все—шелестъ, ростъ въ моемъ саду,
Гдѣ я тружусь и гдѣ я жду—

Прихода сна, прихода тьмы
Въ глухомъ безмолвіи зимы...

РАЗДУМІЕ.

Жизнь кого не озадачитъ,
Кто, захваченный грозой,
Не вздохнетъ и не заплачетъ
Одинокою слезой!

Всѣ мы радостно и бодро
Покидаемъ дѣтскій кровъ,
Вѣримъ въ полдень, вѣримъ въ вёдро,
Въ тишь далекихъ вечеровъ...

Но съ довѣрчивыми снами
Тѣнь сплетается и—вдругъ
Жребій, брошенный не нами,
Насъ влечетъ въ свой строгій кругъ...

Всѣ мы сѣемъ, ввѣривъ зною—
Божьей прихоти—свой хлѣбъ,
И съ молитвою нѣмою
Точимъ серпъ, готовимъ цѣпъ...

Безмятеженъ и просторенъ
Міръ въ весенней тишинѣ...
Много пахарь бросилъ зеренъ,
Много ль будетъ на гумнѣ!

TAEDIUM VITAE.

Все тотъ же холмъ... Все тотъ же замокъ съ башней...
Кругомъ все тотъ же узкій кругозоръ...
Изгибъ тропы мучительно-всегдашней...
Пустынный сонъ безтрепетныхъ озеръ...
    И свѣтъ и тѣнь, безъ смѣны и движенья,
Въ часъ утра—здѣсь, въ истомный полдень—тамъ,
Все сковано въ томительныя звенья,
Съ тупой зѣвотой дремлетъ по мѣстамъ...
    Лѣсной ручей, скользя, дробясь о скалы,
Журчитъ докучно цѣлый Божій день...
Извѣданъ въ часѣ каждый вздохъ усталый,
Знакома въ жизни каждая ступень!
    И каждый день, свершивъ свой кругъ урочный,
Ввѣряетъ сердце долгой тишинѣ,
Гдѣ только дрогнетъ колоколъ полночный
Да прокричитъ сова наединѣ...

И что ни ночь, въ тоскѣ однообразной—
Все та же боль медлительныхъ часовъ,
Гдѣ только шорохъ, смутный и безсвязный,
Мѣняетъ глубь однихъ и тѣхъ же сновъ...
    И скорбно каждый въ сердцѣ маловѣрномъ,
Слѣдя за часомъ, жаждетъ перемѣнъ,
Но льется день въ своемъ движеньи мѣрномъ,
Чтобъ обнажить зубцы все тѣхъ же стѣнъ...
    И вновь, тоскливо, съ четкостью вчерашней,
Невдалекѣ, пустынный видитъ взоръ
Все тотъ же холмъ, все тотъ же замокъ съ башней,
Одинъ и тотъ же узкій кругозоръ...

СТУПЕНИ.

Мы—туманныя ступени
Къ свѣтлымъ высямъ Божьихъ горъ,
Восходящія изъ тѣни
На ликующій просторъ...

Отъ стремнины до стремнины—
На томительной чертѣ—
Всѣ мы гонимъ сонъ долинный,
Въ трудномъ рвеньи къ высотѣ...

Но въ дыму нависшей тучи
Меркнутъ выси, и блаженъ,
Кто свой шагъ направилъ круче
По уступамъ сѣрыхъ стѣнъ...

Онъ не слышитъ смуты дольней,
Стона скованныхъ въ пыли,
Передъ смѣлымъ все привольнѣй
Глубь небесъ и ширь земли...

Дремлетъ каплей въ океанѣ
Міръ нѣмыхъ и тщетныхъ слезъ,—
Мудръ, кто въ тишь послѣдней грани
Сердце алчное вознесъ!

АККОРДЫ.

Гдѣ-то на праздникъ труба призываетъ...
Въ храмѣ далекомъ огонь запылалъ...
Гдѣ-то, скитаясь, ладья разбиваетъ
Сумрачно вскинутый валъ...

Гдѣ-то, бѣлѣя, шумятъ водопады...
Гдѣ-то, въ безбрежности жаждущихъ нивъ,
Тучъ серебристыхъ проходятъ громады,
Землю дождемъ напоивъ...

Гдѣ-то усталую душу упорно
Тщетная греза зоветъ и томитъ...
Гдѣ-то орлица надъ пропастью горной
Съ радостнымъ крикомъ паритъ...

МОЛИТВА.

Когда дохнетъ мятель тревогой запустѣнья,
Пошли, Творецъ, и намъ безбольный зимній сонъ,
Чтобъ мы могли, какъ стройныя растенья,
Взойти, расцвѣсть и Твой украсить тронъ
Грядущею весной...
Когда пустынно поле задымится
И, въ снѣжной пляскѣ, вихри побѣгутъ,
Пошли упорство вѣрить и стремиться,
Свершить сполна свой долгъ, свой малый трудъ,
Назначенный Тобой!
Когда душа, наперсница печали,
Утратитъ путь съ приходомъ темноты,
Пусть вспыхнутъ ярче звѣздъ Твоихъ скрижали,
Чтобъ каждый, вспомнивъ заповѣдь мечты,
Пошелъ на подвигъ свой!

ЧЕРНОЕ ОЗЕРО.

Валерію Брюсову.

Изъ храма горъ, изъ сонной мглы лѣсной,
Въ отдѣльномъ бѣгѣ каждый одинокій,
Струятся въ даль, вспоенные весной,
Нѣмой земли немолчные потоки...

Все золото зари, весь изумрудъ
Холмовъ, весь миръ свѣтающаго поля
Глядятся въ нихъ... Пѣвучъ ихъ первый трудъ,
Свѣтло-шумна ихъ утренняя доля...

Поютъ валы въ тѣни гранитныхъ стѣнъ,
Пока ихъ бѣгъ стремителенъ и силенъ,
Пока далекъ великій зимній плѣнъ
Въ безвѣстности пороговъ и извилинъ...

Но день идетъ, и скорбно въ ихъ просторъ
Тѣснится тѣнь, какъ нѣкій сонъ упорный
О мертвыхъ безднахъ сумрачныхъ озеръ,
Что горестно ихъ ждутъ въ свой омутъ черный...

И, глухо дрогнувъ, каждая волна
Стремится шумно къ далямъ заповѣднымъ,
Туда, гдѣ все встрѣчаетъ тишина
Своимъ лобзаньемъ сладостнымъ и блѣднымъ...

ДѢТСКІЕ СТРАХИ.

Въ нашемъ домѣ нѣтъ затишья...
Жутко въ сумракѣ ночномъ
Все тужитъ забота мышья,
Міръ не весь окованъ сномъ.

Кто-то шаритъ, роетъ, гложетъ,
Бродитъ, крадется въ тиши,
Отгоняетъ и тревожитъ
Сладкій, краткій, миръ души!

Чѣмъ-то стукнулъ ненарокомъ,
Что-то грузно уронилъ...
Въ нашемъ домѣ, одинокомъ,
Бродятъ выходцы могилъ.

Всюду вздохи—всюду тѣни,
Шепотъ, топотъ, звонъ копытъ...
Распахнулись окна въ сѣни
И неплотно входъ закрытъ...

Вражьей силѣ нѣтъ преграды...
Чернымъ зѣвомъ дышитъ мгла,
И колеблетъ свѣтъ лампады
Взмахъ незримаго крыла...

ПѢСНЯ.

Есть среди грезъ одинокихъ одна,
Больше всѣхъ на землѣ одинокая...
Есть среди странъ заповѣдныхъ страна
Больше всѣхъ для стремленья далекая...

Въ радостный мигъ неземной полноты
Эта греза зарницею свѣтится...
Счастливъ, въ чьей долѣ приходъ темноты
Этой ласкою звѣздной отмѣтится...

Въ дальнихъ путяхъ по откосамъ земнымъ
Все изгладится въ сердцѣ, забудется,
Только она, съ постоянствомъ живымъ,
Будто сонъ утоляющій чудится,—

Только она насъ упорно ведетъ
Каменистой тропой безконечности,—
Тихо, какъ мать надъ малюткой, поетъ
О ликующихъ празднествахъ вѣчности...

AVE, CRUX!

Брось свой кровъ, очагъ свой малый,
Сонъ въ тоскующей груди,
И громады скалъ на скалы
Въ высь нѣмую громозди...

Божій міръ еще не созданъ,
Недостроенъ Божій храмъ,—
Только сѣрый камень розданъ,
Только мощь дана рукамъ.

Роя путь къ твердынѣ горной,
Рви гранитъ, равняй холмы,—
Озари свой мракъ упорный
Искрой, вырванной изъ тьмы...

Пусть взлелѣетъ сны живые
Отблескъ творческой мечты
И чрезъ бездны роковыя
Перекинутся мосты...

Лишь свершая долгъ суровый,
Въ мірѣ лѣни, праздной лжи,
Ты расширишь гранью новой
Вѣковые рубежи...

Лишь предавъ свой духъ терпѣнью,
Имъ оправданъ и спасенъ,
Будешь малою ступенью
Въ темной лѣстницѣ временъ...

МОРСКАЯ ЗЫБЬ.

Насъ вѣтеръ качаетъ
На темной волнѣ...
То буря крѣпчаетъ...
То—сонъ въ тишинѣ...

То въ гнѣвѣ подброситъ,
Игрушечный мячъ,—
Баюкаетъ, носитъ,
Угрюмый силачъ!

То охнетъ, то крикнетъ,
То снова, глядишь,
Въ пустынѣ возникнетъ
Великая тишь...

И сумрачно снова
Разсѣкъ глубину,
Сердито, сурово,
На гибель челну...

Темнѣетъ и блещетъ,
Кидаетъ, кружитъ,
И парусъ трепещетъ,
И мачта дрожитъ...

И воетъ, стучится
Въ безсильную грудь,—
И нужно влачиться,
И страшно уснуть!

ЖНИЦА.

Беззаботенъ и прекрасенъ
Въ замкѣ княжичъ молодой...
Взоръ его привѣтливъ, ясенъ,
Грудь не скована бѣдой...

Онъ цѣлуетъ, онъ ласкаетъ
Въ замкѣ томную княжну...
Дрогнулъ серпъ мой—вновь сверкаетъ,
Все я въ полѣ жну да жну...

Знойный день въ ихъ сладкой долѣ —
Какъ алмазъ, какъ бирюза...
Имъ ли плакаться, что въ полѣ
Собирается гроза!

Божій храмъ, святыя свѣчи
Снятся трепетной княжнѣ...
И нагую грудь и плечи
Видитъ княжичъ въ знойномъ снѣ...

Но дорога въ храмъ завѣтный
Вьется въ полѣ спѣлой ржи,
Гдѣ съ утра, съ поры разсвѣтной,
Блещетъ серпъ мой вдоль межи...

И въ недальній часъ веселья
Я удвою забытье—
Кину князю ожерелье,
Ярко-красное, мое!

РАЗДУМІЕ.

И въ сердцѣ, какъ въ морѣ,—приливъ и отливъ...
Я смѣною крайностей живъ...

То жизнь—трепетаніе майскаго сна,
То снова скудѣетъ весна...

Безвѣстное море баюкаетъ насъ—
Намъ горько невѣдомъ нашъ часъ!

Нахлынетъ—захватитъ своей глубиной,
Ликующей вскинетъ волной,—

Отпрянетъ и—горестно вновь обнажитъ,
Что̀ въ сумрачной безднѣ лежитъ...

Кочуютъ валы—отъ земли и къ землѣ,
То въ трепетѣ дня, то во мглѣ,—

Съ забвеніемъ къ сушѣ, отъ суши—съ тоской...
О, сердце, ты—берегъ морской!

Въ тебѣ—вѣковѣчный приливъ и отливъ,
Чьей горькою смѣной я живъ...

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Мнѣ чудятся дали ночныя,
Раскрытыя въ мірѣ иномъ,
Гдѣ дни и заботы земныя
Развѣяннымъ кажутся сномъ...

Тамъ кротко сверкаютъ зарницы,
И, въ трепетѣ лунныхъ огней,
Безшумно встаютъ вереницы
Таинственно-свѣтлыхъ тѣней...

И шествуютъ призраки съ пѣньемъ,
Иному молясь бытію...
И, тайнымъ объятый волненьемъ,
Средь нихъ я себя узнаю...

И долго и горько мнѣ чужды,
Поникшему въ прежней пыли,
Всѣ горести, споры и нужды,
И зыбкое счастье земли...

И часто средь хриплаго шума
Борьбой ослѣпленнаго дня
Моя одинокая дума
Къ тѣмъ далямъ уводитъ меня,—

Гдѣ стройно дворцы и соборы
Лучистой встаютъ чередой,
И кротко, сплетаясь въ узоры,
Восходитъ звѣзда за звѣздой...

НА ОТМЕЛИ.

Божій міръ для насъ—какъ море...
Мы, на темномъ берегу,
Глухо плачемъ о просторѣ,
Кто на радость, кто на горе,
Каждый—въ замкнутомъ кругу...

Здѣсь, въ истомѣ повседневной,
Счетъ извѣданныхъ часовъ...
Тамъ—разгулъ свободы гнѣвной,
Вѣчно новой и напѣвной,
Трепетъ смѣлыхъ парусовъ...

Тщетно нашу мысль уводитъ
Къ синимъ далямъ дальній дымъ,
Тщетно кровь кипитъ и бродитъ,—
Наша молодость проходитъ
Въ спорѣ съ сердцемъ молодымъ...

Мы живемъ въ плѣну суровомъ,
Вѣчно въ той же полумглѣ,
Гдѣ печаль о часѣ новомъ
Лишь смущаетъ тщетнымъ зовомъ
Сонъ прикованныхъ къ землѣ...

Ослѣпленными очами,
Мы глядимъ, рабы тѣней,
Въ міръ, сверкающій предъ нами,
Расширяя только снами
Жребій малости своей!

ВЕЧЕРНІЯ ПѢСНИ.

I

И. Н. Худолееву.

Въ вечерній часъ, въ глухую пору,
Плетусь въ невѣрной тишинѣ
И мѣря міръ, открытый взору,
Дивлюсь великому простору,
И чутокъ трепетъ думъ во мнѣ...

И озирая міръ широкій,
Гдѣ я дышу, гдѣ я томлюсь,
Считаю я мгновенья, сроки,
И въ часъ грядущій, недалекій,
Проникнуть разумомъ стремлюсь...

Но тщетно я, въ тиши невѣрной,
Витаю въ даляхъ прежнихъ лѣтъ
И въ ихъ кругу, въ ихъ смѣнѣ мѣрной,

Ищу душою суевѣрной
Предчувствій вѣщихъ и примѣтъ.

И мыслю вновь:—смѣшна тревога...
Настанетъ день—сверкнетъ волна...
И часъ, и вѣкъ—во власти Бога,
Ихъ темный бѣгъ исчисленъ строго,
И жребій сбудется сполна...

То плоскимъ берегомъ, то въ гору
Плетусь медлительно во мглѣ,
И сладко мнѣ, въ глухую пору,
Съ молитвой звѣздному простору
Припасть тоскующе къ землѣ...

II

Валерію Брюсову.

Часъ покоя! Стелетъ тѣни
Дымный вечеръ средь полей...
Лишь не знаетъ сладкой лѣни
Вѣщій жаръ въ крови моей...

Часъ закатный—часъ прозрѣнья
Въ тайну Божьей глубины...
Полный темнаго волненья,
Лунный Рыцарь ждетъ луны...

Скоро-скоро осѣнится
Тайнымъ блескомъ смертный взоръ,
Въ часъ, когда засеребрится
Нескончаемый просторъ...

Полночь звѣздная утроитъ
Глубь небесъ и ширь земли,
И разсыплетъ и раскроетъ
Мѣсяцъ золото въ пыли...

Пусть же сладкая прохлада
Клонитъ смертное ко сну,
Я одинъ, искатель клада,
Глазъ упорныхъ не сомкну...

III

К. Бальмонту.

Звѣзднымъ миромъ ночь дохнула...
Средь смолкающаго гула
Въ лунномъ полѣ я брожу...
И склоняясь самъ къ покою,
Съ просвѣтленною тоскою
Въ дали звѣздныя гляжу...

Здѣсь и тамъ—огонь далекій,
Вспыхнувъ искрой одинокой,
Кротко зыблетъ мракъ ночной...
Какъ узоръ въ единой ткани,
Сочетается безъ грани
Свѣтъ небесъ и свѣтъ земной...

Въ поздній часъ, не помня боли,
Я брожу въ пустынномъ полѣ,

Въ чуткой лунной тишинѣ...
Средь дремоты безпредѣльной
Молкнетъ трепетъ мой отдѣльный,
И оправданъ міръ во мнѣ!

И въ великій мигъ сліянья
Съ вѣчной тайной мірозданья
Кротко мыслю: съ бѣгомъ дней
Все стройнѣе, все безгнѣвнѣй
Трепетъ міра, шорохъ древній,
Глубже сердце—жизнь яснѣй...

ПОЛНОЧЬ.

С. А. Полякову.

Въ полночь пустынную въ замкѣ моемъ—
Званое пиршество, пышный пріемъ...
Шутъ мой угрюмый, будь кротокъ и тихъ
Въ свѣтломъ собраньи вассаловъ моихъ...

Здравствуй, Пѣвецъ, осѣнившій мой домъ
Звонкою пѣсней о Богѣ живомъ!
Радостной долѣ увидѣвшихъ свѣтъ—
Въ полночь глухую—мой первый привѣтъ!

Славься, Тоскующій, славься, и Ты,
Горько повѣрившій въ чудо мечты!
Кланяюсь долѣ поникшихъ въ пыли—
Именемъ Божьимъ—до сѣрой земли!

Славься, бездомный кочевникъ въ степи,
Нищій и узникъ на ржавой цѣпи,
Кесарь на тронѣ съ державой въ рукѣ
И изнывающій рабъ въ рудникѣ,—

Предъ ликованьемъ и горькой тоской,
Передъ недолей и долей людской,
Въ трепетѣ солнца, во мракѣ темницъ,
Именемъ Божьимъ я падаю ницъ!

СБОРЪ ВИНОГРАДА.

At morn and even shades are longest...
Ben Jonson

Tu, voce sbigottita e deboletta,
ch'esci piangendo de lo cor dolente...
Guido Cavalcanti

МОЛИТВА.

К. Бальмонту.

Безсмертный Боже! Грустно мнѣ
Въ Твоей великой тишинѣ
Считать часы наединѣ...

Въ томленьи праздной суеты
Моей души коснулся Ты
Живымъ алканьемъ красоты...

И трудной жаждою томимъ,
Я приникалъ къ сердцамъ людскимъ
И былъ глашатаемъ Твоимъ...

Ты мудръ, призвавъ меня на пиръ,
Но такъ великъ Твой грозный міръ,
Я въ немъ такъ малъ, я въ немъ такъ сиръ...

Взываю къ чуду Твоему!
Ты въ жизни входишь свѣтомъ въ тьму,
Мнѣ стало страшно одному...

Разлей Свой звонъ въ глухой тиши,
И сирый вздохъ моей души
Сліяньемъ съ міромъ разрѣши!

ДОРОГА.

Вьется пыльная дорога
По равнинамъ, по холмамъ,—
Тамъ, гдѣ день объятъ тревогой,
Тамъ, гдѣ вечеръ преданъ снамъ...

То змѣится темнымъ лѣсомъ,
Въ гулкой, дремлющей, тиши,—
То подъ каменнымъ навѣсомъ
Въ горной сумрачной тиши...

То, на волю вырываясь,
Гдѣ безбрежна ширь земли,
Убѣгаетъ, извиваясь,
Всюду сѣрая, въ пыли...

Вся размыта, вся разрыта
Набѣгающимъ дождемъ,
Грузной поступью копыта,
Бѣгомъ празднымъ и трудомъ...

Волей жизни, роковою,
Въ даль откинулась она...
Надъ дорогой кочевою—
Синева и тишина...

Только гулкій слышенъ топотъ,
Скрипъ да грохотъ колеса,
Да пустынный шелестъ, шопотъ,
Придорожнаго овса...

Многоверстно и глубоко
Врылась въ землю колея,—
Протянулась, одиноко,
Къ дымнымъ далямъ бытія...

КУБОКЪ.

Я въ мірѣ тайный кубокъ знаю...
Въ немъ—влага жизни одному,
Другой, приникнувъ алчно къ краю,
Пьетъ темный ядъ, уходитъ въ тьму...

И въ горькій часъ пустынной жажды
Иного въ чашѣ нѣтъ вина,
И кто склонился къ ней однажды,
Напитокъ тайный пьетъ до дна...

Все та же влага въ кубкѣ бродитъ
И тамъ, гдѣ теменъ нищій кровъ,
И тамъ, гдѣ онъ гостей обходитъ
Средь блеска княжескихъ пировъ...

И кто пришелъ на пиръ полночный,
Пріемлетъ съ чашей жребій свой,
И каждый долженъ въ часъ урочный
Отвѣдать влаги роковой...

ПРИБЛИЖЕНІЕ.

Угрюмы скалъ рѣшенные отвѣсы.
Пространство молкнетъ... Отдыхъ отъ труда!
И близко разуму раскрытіе завѣсы...
И кто-то, вѣщій, шепчетъ: навсегда.

Все въ мірѣ ясно, понято, раскрыто...
Земля и небо—формула, скелетъ,
Въ которомъ все исчислено и слито,
И прежняго обмана больше нѣтъ.

Отсель—безкровность призрачныхъ движеній,
Какъ трепетъ страсти въ сердцѣ мудреца,
Унылая пора оцѣпенѣній
И блѣдный жаръ печальнаго лица.

Ни голода, ни жажды—только Слово,
Какъ сумрачный, глухой и праздный, звонъ,
Случайный отблескъ пиршества былого,
Воспоминанія невѣрный полусонъ!

И кончить бы—пока для оправданья
Возможна сила въ стынущей груди,
И только ты, невольница алканья,
Слѣпое сердце, молишь: Погоди!

РАЗДУМІЕ.

На свѣтѣ такъ много простора,
Надеждъ, и гаданій, и грезъ,
Какъ тѣни у темнаго бора,
Какъ боли у сумрачныхъ слезъ...

И часто, въ бреду одинокомъ,
Въ мгновенье истомы нѣмой,
Мы знаемъ, что въ храмѣ далекомъ
Готовится пиръ неземной...

Но дальней и пыльной дорогой
Мы въ жизни на праздникъ идемъ,
Подъ трудной грозою-тревогой,
Подъ сѣрымъ и долгимъ дождемъ,—

Мы радостно въ сердцѣ горячемъ
Привѣтствуемъ утренній свѣтъ,
А вечеромъ сѣтуемъ, плачемъ,
Что грезамъ свершенія нѣтъ...

ЭЛЕГІЯ.

Гляжу на жизнь съ тоской невыразимой...
Событія, дѣянья и мечты,—
Все, все едва въ сознаньи различимо!

Померкли скорбно милыя черты
Любимыхъ лицъ... Не будитъ умиленья
Случайный отблескъ прежней красоты...

Вотъ, ликъ... Вотъ, взглядъ... Далекое мгновенье—
Безъ имени! Вотъ, рядъ именъ, чей слѣдъ
Въ земномъ бреду мелькаетъ безъ значенья...

Чуть внятенъ смыслъ утѣхъ былыхъ и бѣдъ...
Чѣмъ дальше жизнь, тѣмъ время безначальнѣй,
И смутенъ въ немъ порядокъ дней и лѣтъ...

Минувшее—какъ нѣкій берегъ дальній,
Чей пестрый міръ сравняла синева,
Пустынная! Все глуше и печальнѣй

Звучатъ когда-то звонкія слова,
И кажется истомою напрасной
Все, чѣмъ душа въ борьбѣ была жива...

И свѣтъ и тьму устало и безгласно
Пріемлетъ грудь... И часто, въ часъ глухой,
Ни лучшихъ думъ, ни прежней вѣры ясной

Не узнаю... То холодъ, то покой
Душевный жаръ смиряютъ понемногу...
Съ какою болью, страхомъ и тоской

Отсель пойду къ послѣднему порогу,
Не вѣдая, что кроетъ сонъ его!
Кто дастъ мнѣ вновь отрадную тревогу,

Волшебный трепетъ дѣтства моего?

СИЗИФЪ.

Долго-долго время длилось,
Долго-долго время шло...
Въ горькихъ помыслахъ склонилось
Блѣдное чело.

Мыслью, алчущей прозрѣнья,
Я вникалъ и въ бѣглый мигъ,
И въ высокое ученье
Древнихъ вѣщихъ книгъ...

Приковалъ я грудь живую
Къ мертвымъ сводамъ рудника,
Гдѣ, взрывая тьму глухую,
Искрилась кирка.

Жилъ, метался, опытъ множилъ
Въ тишинѣ, средь шума грозъ,
И въ пустомъ гаданьи дожилъ
До сѣдыхъ волосъ!

Все, что вѣкъ лелѣялъ, сѣялъ,
Все, что годы я поилъ,
Зыбкимъ прахомъ часъ развѣялъ,
Мигъ опустошилъ...

Пусть! Скорѣй другую ношу!
Вновь я гордо возстаю...
Рабъ мятежный, вновь я брошу
Вызовъ бытію!

БАЛЛАДА.

Осеннею заботою
Охваченъ старый боръ...
Кровавой позолотою
Сверкнулъ его уборъ.
Не молкнетъ за работою
Невидимый топоръ!

Рѣдѣетъ, распадается
Густая ткань куста.
Иначе шумъ слагается
И тишь уже не та,—
Уныло надвигается
Пустынная черта...

И всюду въ чащѣ слышится,
Какъ шепчетъ листъ листу:

— Смотри, туманъ колышется,
Темнѣя на лету...
Уже не такъ намъ дышится,
Какъ въ утреннемъ цвѣту!

—Твоя береза—голая,
И самъ ты что-то плохъ...
Ушла волна веселая,
Кругомъ просторъ заглохъ,
На всѣхъ бѣда тяжелая
Нагрянула врасплохъ!

— Недавно, въ часъ томленія,
На вѣткѣ я поникъ,
И въ это же мгновеніе
Гляжу—внизу—родникъ,—
И въ немъ, какъ привидѣніе,
Мой блѣдный-блѣдный ликъ!

И всюду въ чащѣ чудится,
Какъ шепчетъ листъ листу,
Что скорбный жребій сбудется,
Что пробилъ часъ кусту,—
И всюду вѣтеръ трудится,
Бушуя на лету...

ВЪ ПУТИ.

*Памяти Н. Л. Тарасова.

Впередъ, впередъ, мой бѣдный конь,
Исполни свой завѣтъ,—
Сквозь холодъ вьюги, сквозь огонь...
Назадъ дороги нѣтъ!

Нашъ день не дологъ, путь далекъ,
Плетись, пока свѣтло...
Тебѣ наскучилъ твой сѣдокъ,
Ему—твое сѣдло.

Ни повернуть, ни отдохнуть...
Пустынные края!
Но свой докучный, долгій путь
Придумывалъ не я...

*

Свершай, мой конь, свой темный бѣгъ,
Гдѣ всюду—боль съ бѣдой,
Гдѣ лишь однажды былъ ночлегъ
Съ хозяйкой молодой...

Впередъ же, вскачь, до той черты,
Гдѣ все—покой и мгла,
Гдѣ дрогнетъ грудь моя, а ты
Закусишь удила...

ВИДѢНІЕ.

Чу! Смятенье! Часъ тревоги...
Воетъ скорбный звонъ трубы...
Грозно брошенъ вызовъ строгій
Темнымъ воинствомъ судьбы...

Мчится черный конь, крылатый,
Въ сѣромъ вихрѣ облаковъ...
Слышенъ лязгъ меча о латы...
Брызги молній отъ подковъ...

Въ дальнемъ полѣ скачутъ взводы
Черныхъ шлемовъ и знаменъ...
Темной волей Воеводы
Каждый витязь окрыленъ...

Въ горькій часъ труба звучала.
Тщетно вскинутъ слабый щитъ...
Изъ-подъ каждаго забрала
Гибель алчная глядитъ!..

Каждый мигъ опасность множитъ
Въ часъ тревоги неземной...
Горе всѣмъ, кто мечъ свой сложитъ,
Горе всѣмъ, кто приметъ бой!

Гонитъ сумрачный Воитель
Въ мірѣ конницу свою...
Кто—Онъ, вѣчный побѣдитель
Въ несмолкающемъ бою?

АЛКАНІЕ.

Насъ въ мірѣ ждетъ великое алканье
На всѣхъ путяхъ...
Насъ всѣхъ томитъ угрюмое незнанье
Въ земныхъ сѣтяхъ....

Мы молимся о чудѣ утоленья
И день и ночь,—
Но горечи послѣдняго томленья
Не превозмочь...

Придетъ гроза, завоетъ и нарушитъ
Земную тишь,—
Но тишины, что наше сердце душитъ,
Не возмутишь...

ОСЕНЬЮ.

Брожу одинъ усталымъ шагомъ
Глухой тропинкою лѣсной...
Пѣвучій шелестъ надъ оврагомъ
Уже не шепчется со мной...

Синѣютъ дали безъ привѣта...
Угрюмъ заглохшій кругъ земли...
И, какъ печальная примѣта,
Мелькаютъ съ крикомъ журавли...

Плыветъ ихъ зыбкій треугольникъ,
Сливаясь съ блѣдной синевой...
Молись, тоскующій невольникъ,
Свободѣ доли кочевой!

ВЪ ПАРКѢ.

Пусто, пусто въ старомъ паркѣ...
Каждый уголъ порѣдѣлъ,
Даже тамъ, гдѣ въ полдень жаркій
Часъ прохладный не скудѣлъ...

Шире каждая дорожка,
Гдѣ теперь хлопочетъ кротъ...
Заколочена сторожка
У свалившихся воротъ...

Гдѣ спускался, зыбля складки,
Вешній грузъ зеленыхъ ризъ,
Нынѣ дремлетъ въ сѣрой кадкѣ
Одинокій кипарисъ...

Взоръ печальный отмѣчаетъ
Прахъ и тлѣнъ со всѣхъ сторонъ...
И осенній вихрь качаетъ
Гнѣзда черныя воронъ...

Вотъ, пустынный холмъ съ бесѣдкой...
Грустный кровъ—теперь сквозной,—
Гдѣ съ прекрасною сосѣдкой
Короталъ я часъ ночной...

Скорбенъ вечеръ въ небѣ хмуромъ,
Грустенъ въ паркѣ мертвый шумъ...
И предъ каменнымъ Амуромъ
Я стою, одинъ, угрюмъ...

SILENZIO.

Молчанье! Забвенье безъ срока...
Свой жребій, пустынникъ, мечи...
Пусть зыблется жизнь одиноко,
Какъ пламя ночное свѣчи...

Безмолвіе грани послѣдней
Мой духъ просвѣтленный зоветъ...
И глухо на башнѣ сосѣдней
Пустынное время поетъ...

Ни страха, ни ропота въ боѣ
Вѣщающихъ утро часовъ...
Лишь молится сердце живое
Восходу свѣтающихъ сновъ...

Молчаніе! Съ гордымъ упорствомъ,
Пустынникъ, таи свой просторъ...
Пусть люди о хлѣбѣ ихъ черствомъ
Ведутъ нескончаемый споръ...

Всѣмъ жаромъ души своевольной
Будь преданъ иному труду,—
Ты слишкомъ упорно и больно
Метался въ безплодномъ бреду!

ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЯ.

М. П. Чеховой.

Въ вечерней мглѣ, у берега глухого,
Одинъ стою...
Тебѣ ль, душа, замкнуть въ земное слово
Тоску свою!

Пусть даже горько узникъ прослезится,
Слеза—одна...
Морской просторъ въ волнѣ не отразится,
Ни глубина...

Людская жизнь—мгновенья, годы, сроки,
Счетъ дней и дней,—
Въ земной тоскѣ раскрытъ весь міръ широкій
Вся вѣчность—въ ней!

ИСКУШЕНІЕ.

Валерію Брюсову.

Въ осенній вечеръ, въ поздній часъ,
Когда послѣдній лучъ погасъ,
Когда дневной послѣдній гулъ
Чуть внятно воздухъ содрогнулъ
И въ тишинѣ ночная мгла
На весь безлюдный міръ легла,—
Одинъ, въ тоскѣ своей тупой,
Я шелъ заглохшею тропой,
Съ пустыннымъ холодомъ въ груди,
Съ пустынной болью впереди,
Внѣ свѣта жизни, сиръ, угрюмъ,
Уже безъ грезъ, уже безъ думъ,
Лишь преданъ скорби, лишь томимъ
Отчаяньемъ своимъ...

Я шелъ и—вдругъ, совсѣмъ вблизи,
Гдѣ былъ темнѣе край стези,
Загадочно изъ тьмы возникъ
Зловѣщій призракъ, странный ликъ...

Онъ былъ и строенъ и высокъ,
Печаленъ, блѣденъ, сѣдъ не въ срокъ...
Тоска отвергнутой мечты
Зажгла прекрасныя черты...
Его угрюмый гордый взоръ,
Весь—грозный вызовъ, весь укоръ,
Являлъ, горя во мглѣ ночной,
Упорство воли неземной...
Я шелъ, и Онъ, изгнанникъ дня,
Привѣтствовалъ меня...

—Я знаю, кто-ты,—началъ Онъ...—
Былъ кратокъ, пустъ твой смертный сонъ,
Ты былъ имъ гордъ, великъ, красивъ,—
Но сонъ прошелъ и—чѣмъ ты живъ!
Рвалась упорно мысль твоя
Къ запретнымъ тайнамъ бытія...
Но мудрость міра—страсть и страсть!
Признай ея благую власть,
И ты, сквозь сладостную дрожь,
Поймешь, что совѣсть—только ложь,
Которой ты, въ избыткѣ силъ,
Какъ призраку, служилъ...

Ты видишь дальній свѣтъ во тьмѣ...
Тамъ старый замокъ на холмѣ,

Пріютъ довольства и пировъ...
Ты въ немъ найдешь и хлѣбъ и кровъ.
Но князь богатый слишкомъ скупъ—
И пусть!—шагни чрезъ дряхлый трупъ.
Гдѣ ключъ отъ клада, скажетъ дочь,—
И вспыхнетъ свѣтъ въ глухую ночь!
Дитя судьбы, будь самъ судьбой,
И ты наполнишь кубокъ свой...
Колеблешься!—О чемъ же рѣчь?
Всего лишь поле пересѣчь...
У князя—знатная казна,
Красавица—княжна!—

И Онъ шепталъ мнѣ вновь и вновь,
И билось сердце, стыла кровь...
Но грознымъ знаменьемъ Креста
Замкнулъ я темныя уста,
И голосъ Мрака, адскій ликъ,
Исчезъ внезапно, какъ возникъ...
И въ окнахъ дальнихъ деревень
Уже сверкалъ осенній день...
И вновь я шелъ, въ тоскѣ тупой,
Своей пустынною тропой,
Вдвойнѣ безсиленъ, пустъ, угрюмъ,
Въ глухомъ бреду полночныхъ думъ,
Весь преданъ страху, весь томимъ
Невѣдѣньемъ своимъ...

ОТЧИЗНА.

Я родился въ далекой странѣ,
Чье приволье не знаетъ тѣней...
Лишь неясную память во мнѣ
Сохранило изгнанье о ней...

Знаю... Замокъ хрустальный стоялъ,
Золотыми зубцами горя...
И таинственный праздникъ сіялъ,
И цвѣла, не скудѣя, заря...

Помню, помню въ тяжеломъ плѣну
Несказанно-ласкательный звонъ,
Что гудѣлъ и поилъ тишину,
И баюкалъ мой трепетный сонъ...

И средь шума заботъ и вражды,
Гдѣ я, въ рабствѣ, служу бытію,
Лишь въ мерцаньи вечерней звѣзды
Я утраченный свѣтъ узнаю...

Оттого я о дали родной,
Такъ упорно взываю во мглѣ,—
Оттого я, въ тоскѣ неземной
Безпріютно влачусь на землѣ...

ПОЗДНІЯ ДУМЫ.

Плывутъ, дымятся облака
Въ осенній сѣрый часъ...
Ни малой искры, ни цвѣтка,
Насколько видитъ глазъ...
Пришла пора пустынная,
Дневной пожаръ погасъ!

У темной грани помнятъ всѣ,
Что гдѣ-то былъ разсвѣтъ,
Что яркій день пылалъ въ росѣ,
Лелѣялъ ростъ и цвѣтъ,—
Гудѣлъ живыми вихрями,
Которыхъ больше нѣтъ...

И вотъ—поетъ осенній шумъ,
Что полдень оскудѣлъ,

И горекъ трепетъ позднихъ думъ
Тому, кто даже смѣлъ,
Но больше всѣхъ — безумному,
Что счастье проглядѣлъ!

И вотъ—раскрылся дымъ ночной,
Что гаситъ все не въ срокъ,
Своей беззвѣздной пеленой
Все небо заволокъ,
И горько сердцу вѣдомо,
Что день уже далекъ...

Отхлынулъ день, и тщетно взоръ
Глядитъ ему во слѣдъ,—
Разорванъ праздничный уборъ
И шумныхъ пиршествъ нѣтъ,—
На всякій вздохъ въ безмолвіи
Безмолвіе — отвѣтъ...

ЛУННАЯ СОНАТА.

Ночныя дали въ лунномъ свѣтѣ.
Гудуръ—какъ мраморъ при лунѣ...
Гудуръ въ неволѣ лунной сѣти...
Гудуръ съ луной наединѣ...

Гудуръ въ часы неволи блѣдной,
Вникая въ ночь, не зная сна,
Въ томленьи грезы заповѣдной
Блуждаетъ въ теремѣ, одна...

Гудуръ въ саду изъ блѣдныхъ, нѣжныхъ
Изъ лунныхъ лилій... и средь нихъ
Предъ нею, въ ризахъ бѣлоснѣжныхъ,
Ея тоскующій женихъ...

Она склонилась, и любовно
Луна улыбкой ихъ зажгла,
Нѣмой и блѣдной и безкровной,
Какъ скорбный снѣгъ его чела...

И вздохъ вѣнчаетъ ихъ истому,
И онъ, склоняя блѣдный ликъ,
Къ ней, какъ къ причастію святому,
Устами скорбными приникъ...

ТРЕЩИНА.

Есть трещина въ стѣнѣ тюрьмы моей...
Въ нее я вижу даль родныхъ полей
И синеву родныхъ небесъ,
Родной ручей, мой шумный лѣсъ...
Въ немъ, въ свѣтѣ утреннихъ часовъ,
Такъ много птичьихъ голосовъ.
Избушка ветхая за нимъ,
Гдѣ я былъ близокъ, былъ любимъ...
Но узникъ тамъ давно забытъ...
Туда другому входъ открытъ,
И дѣва юная все ждетъ,
Когда-то новый другъ придетъ...
Есть трещина въ стѣнѣ тюрьмы моей...
Въ нее, въ тиши, какъ отзвукъ прежнихъ дней,
Плыветъ ко мнѣ нѣмыхъ видѣній рой—
Скорѣй, мой стражъ, ее закрой!

ВЕЧЕРЪ.

I

Подходитъ сумракъ, въ мірѣ все сливая,
Великое и малое, въ одно...
И лишь тебѣ, моя душа живая,
Съ безмѣрнымъ міромъ слиться не дано...

Единая въ проклятіи дробленья,
Ты въ полдень—тѣнь, а въ полночь—какъ звѣзда,
И вся въ огнѣ отдѣльнаго томленья,
Не вѣдаешь покоя никогда...

Намъ Божій міръ—какъ чуждая обитель,
Угрюмый храмъ изъ древнихъ мшистыхъ плитъ,
Гдѣ человѣкъ, какъ нѣкій праздный зритель,
На токъ вещей тоскующе глядитъ...

II

Вечернее зарево меркнетъ, скудѣетъ,
Ложится туманъ на поля...
И бѣдное сердце дрожитъ, холодѣетъ,
И глухо безмолвна земля...

Ни вздоха о счастьѣ, ни плача о хлѣбѣ,
Ни шелеста въ темномъ кустѣ...
Лишь свѣтлыя звѣзды въ синѣющемъ небѣ
Мерцаютъ, дрожатъ, въ высотѣ...

Межъ сердцемъ усталымъ и міромъ безмѣрнымъ
Распалось дневное звено...
Лишь, въ памяти, свѣтомъ случайнымъ, невѣрнымъ,
Съ минувшимъ оно сплетено...

Что было, что будетъ—все та же дорога,
И пепелъ и пыль впереди—
Молитва о жизни, алканіе Бога
И сумрачный холодъ въ груди...

Вдоль сѣрой дороги, на темныхъ откосахъ,
Все глухо почило, молчитъ...
О камень дорожный одинъ лишь мой посохъ
Въ безмолвіи міра стучитъ...

НА ПОРОГѢ НОЧИ.

Въ вечерней мглѣ теряется земля...
Въ тиши небесъ раскрылось міровое,
Гдѣ блещетъ ярче пламя бытія,
Гдѣ весь просторъ—какъ празднество живое!

Восходитъ въ высь, въ великій храмъ ночной,
Недвижныхъ тучъ жемчужныя ступени,
И тяжко намъ, на паперти земной,
Сносить тоску изѣданныхъ мгновеній...

Со всѣхъ сторонъ ночная даль горитъ,
Колебля тьму предъ взоромъ ненасытнымъ...
Весь Божій міръ таинственно раскрытъ,
Какъ бездна искръ, надъ сердцемъ беззащитнымъ...

*

Живой узоръ изъ трепетныхъ огней
Сплетаетъ ночь на ризѣ златотканной,
И страшно сердцу малости своей,
И горекъ сонъ и плѣнъ земли туманной!

Для насъ земля—послѣдняя ступень...
Въ ночныхъ моряхъ она встаетъ утесомъ,
Гдѣ человѣкъ, какъ трепетная тѣнь,
Поникъ, одинъ, съ молитвеннымъ вопросомъ...

НА БЕРЕГУ.

Какъ привольно, протяжно и влажно,
Одинокія волны поютъ...
Какъ таинственно, плавно и важно,
Чуть бѣлѣя, ихъ гребни встаютъ...

Божій шумъ такъ ласкающе ровенъ,
Божья ласка такъ свято нѣжна!
Этотъ трепетъ и чистъ и безкровенъ,
Эта вѣщая ночь такъ нужна!

Только звѣздная полночь и дышитъ,
Только смертная грудь и живетъ,
Только вѣчная бездна колышетъ
Колыбель несмолкающихъ водъ!

И безбольно, съ отрадною грустью.
Трепетаніемъ звѣздъ осіянъ,
Какъ рѣка, что отхлынула къ устью,
Я вливаюсь въ святой океанъ...

НОЧНЫЯ КРЫЛЬЯ.

Бьетъ полночь... Лишь вѣтеръ угрюмый
Бушуетъ въ просторѣ морскомъ...
О, древнія, вѣщія думы,
Вашъ гнѣвный призывъ мнѣ знакомъ!

Какъ отзвуки жизни незримой,
Далекой, вселенски иной,
Вы скорбно проноситесь мимо
Забывчивой доли земной...

И зовомъ живымъ зачарованъ,
Я долго тоскую во мглѣ,
Но сердцемъ я горько прикованъ
Великою цѣпью къ землѣ!

Обвѣянный стройными снами,
Я снова терзаюсь въ бреду,—
Отъ жертвы въ таинственномъ храмѣ
На горестный рынокъ иду.

И молкнутъ живые завѣты
Въ безплодномъ земномъ забытьи,—
Лишь къ трепетнымъ звѣздамъ воздѣты
Безсильныя руки мои!

БѢЛЫЕ ВИХРИ.

O nott', o dolce tempo benchè nero,
ben ved'e ben intende chi t'esalta.
Michelangelo Buonarrot

Silent, silent Night.
Quench the holy light
Of thy torches bright.
William Blake

ВЕЧЕРНЯЯ СВИРѢЛЬ.

Сомкнулъ закатъ ворота золотыя
За шествіемъ ликующаго дня,
И тѣни тучъ, какъ витязи святые,
Стоятъ на стражѣ Божьяго огня...

Еще горятъ случайные просвѣты,
Гдѣ дальній лучъ вечерній дымъ разсѣкъ,
Но грани горъ туманами одѣты
И въ тишинѣ томится человѣкъ...

Въ нѣмыхъ слезахъ тоски невыразимой,
Онъ преданъ весь призыву и мольбѣ,
Но нѣмъ и мертвъ просторъ необозримый,
Гдѣ синій день свѣтилъ его борьбѣ...

И тщетно онъ, проснувшійся надъ бездной,
Лелѣетъ сонъ часовъ пережитыхъ,
Въ тотъ часъ, когда, теряясь въ выси звѣздной,
Скудѣетъ дымъ кадильницъ золотыхъ...

Его душа—алтарь въ забытомъ храмѣ...
Его удѣлъ—изгнанье, путь въ пыли,
Гдѣ онъ, въ слезахъ, горячими устами,
Лобзаетъ прахъ развѣнчанной земли...

БѢДНАЯ СКАЗКА.

Тихо пѣло время... Въ мірѣ ночь была
Блѣдной лунной лаской ласкова, свѣтла...

Въ небѣ было много яркихъ мотыльковъ,
Быстрыхъ, золотистыхъ, майскихъ огоньковъ..

Искрами струился мѣсяцъ въ водоемъ,
И въ безмолвномъ паркѣ были мы вдвоемъ..

Ты и я, и полночь, звѣздный свѣтъ и тьма
Были какъ созвучья вѣчнаго псалма...

И земля и небо были какъ вѣнецъ,
Радостно замкнувшій счастье двухъ сердецъ..

Онѣмѣло время... Въ мірѣ вновь легла
Поздняя ночная тишь и полумгла...

Искрились пустынно звѣзды въ тишинѣ,
И пустынно сердце плакало во мнѣ...

Былъ, какъ сонъ могильный, скорбенъ сонъ долинъ
И въ заглохшемъ паркѣ плелся я одинъ.

На глухихъ дорогахъ мертвенно бѣлѣлъ,
Пылью гробовою, блѣдный лунный мѣлъ...

Въ небѣ было много бѣлыхъ мотыльковъ,
Медленныхъ, холодныхъ, мертвыхъ огоньковъ...

ДРЕВНЯЯ МОЛВА.

Всегда одинъ, сижу вѣка вѣковъ,
Считая дни и зыбкія мгновенья,
Порывы жизни и ея оковъ,
Судьбою кованныя звенья...

Передо мной прошли толпы племенъ,
Какъ сѣрыхъ тучъ нѣмыя вереницы,
Оставивъ въ мірѣ рядъ пустыхъ именъ
Да вѣчный сонъ заброшенной гробницы...

Въ сердцахъ людскихъ я слушалъ стонъ живой
И крикъ страстей, смолкающій устало,
Все, что послѣдней тишиной
На свѣтѣ небо замѣняло...

*

Передо мной Творецъ струилъ приливъ морей,
Сплеталъ свѣтилъ ночные хороводы
И расшивалъ узоромъ ихъ огней
Полуночи синѣющіе своды...

Томилъ Онъ грудь земли, вздымая цѣпи горъ,
Въ ихъ сумракѣ вытесывалъ ущелья,
Въ пустыняхъ и степяхъ выравнивалъ просторъ
И вырывалъ въ гранитѣ подземелья...

Усталъ—измученъ я... Но близокъ день,
Когда сверкнетъ заря освобожденья...
Сливаясь въ вѣчный мракъ, тѣснится къ тѣни тѣнь
И унимается печаль недостиженья...

Еще недолгій взглядъ въ безмѣрность бытія,
А тамъ—на дно временъ, къ пучинѣ перворoдной,
Ея поверхности случайная струя,
Къ недвижности конечной и исходной
Вернусь и я!

VALSE TRISTE.

Подъ сонное пѣнье фагота
Усталыя пары скользятъ...
И холодъ, и боль, и забота
Въ блуждающихъ взглядахъ сквозятъ...

Плывутъ—чередуются пары,
Испанецъ, венгерецъ и ляхъ,
И юноша томный, и старый
Усачъ, посѣдѣлый въ бояхъ...

Своею игрой безконечной
Суровая прихоть сплела
Разсѣянность доли безпечной
И скорбную блѣдность чела...

Мелькаетъ-скользитъ вереница
Гонимыхъ на пиръ пустоты—
Борьбой искаженныя лица,
Клейменыя жизнью черты...

И длится веселье безъ срока
Въ чертогахъ, незнающихъ сна,
Гдѣ въ сумрачный часъ одиноко,
Срываясь, рыдаетъ струна,—

Гдѣ, гостья изъ далей бездонныхъ,
Колеблется ночь по угламъ
И свѣтится въ нишахъ оконныхъ
Крестами бѣлѣющихъ рамъ...

ОСТРОВЪ.

Есть каменный островъ въ заливѣ далекомъ...
Тамъ черныя скалы стоятъ...
И бурныя волны, нахлынувъ потокомъ,
Дробятся о темный ихъ рядъ...

Стоятъ онѣ вѣчно, столѣтья безъ счета,
Твердынею башенъ глухихъ,
Какъ будто проклятья нѣмая дремота
Сковала безмолвіемъ ихъ.

То съ гнѣвомъ, то съ лаской ихъ будитъ пучина,
И брызжетъ, и стонетъ, и воетъ, и бьетъ,
Но сумрачный остовъ скалы исполина
Надъ бездной безстрастно встаетъ...

Ночнымъ ли туманомъ въ пустынѣ повѣетъ,
Иль искрится море въ полдневныхъ лучахъ,
Безтрепетный островъ все также чернѣетъ,
Угрюмо купаясь въ валахъ...

Порою съ добычею хищная птица
На древнія скалы, кружась, прилетитъ—
И кровью горячей ихъ грудь обагрится,
Но островъ гранитный молчитъ...

СИРОТСТВО.

Я въ бѣгѣ часа не одинъ...
Со мной просторъ нѣмыхъ равнинъ,
Земная пыль, земная даль,
Ихъ кругъ безсмѣнный, ихъ печаль...

Со мною былъ весенній свѣтъ,
Моихъ луговъ роса и цвѣтъ,
И трепетъ водъ, и шумъ листвы,
И пламя лѣтней синевы...

Какъ былъ покой осеннихъ дней,
Просторъ развѣнчанныхъ вѣтвей,
Холодный пепелъ, прахъ, зола
Костровъ, что ярко жизнь сожгла...

Со мною будетъ сонъ зимы,
Печаль и холодъ бѣлой тьмы
И—въ краткій полдень—блескъ снѣговъ
Безъ рубежа, безъ береговъ...

Какъ будетъ бодрствовать со мной
Глухой и дикій вихрь ночной,
И долгій вой и свистъ его,
И скорбь сиротства моего!

ОТЧАЯНЬЕ.

Кругомъ весь день стояла тишина...
И будто въ мукѣ трудной замирая,
Кляня свой жребій, стыла грудь живая,
И каждый мигъ былъ мигъ мучительнаго сна.

Къ пустыннымъ небесамъ струился дымъ долинъ,
Слагаясь въ смерчи, въ сумрачныя зданья,
И каждый былъ въ слезахъ, и каждый былъ одинъ
И трепеталъ отъ страха и незнанья...

Порою листъ на землю упадалъ,
И точно въ часъ подкравшейся недоли,
Съ безуміемъ въ глазахъ, дрожалъ и старъ и малъ,
Въ глухомъ огнѣ своей послѣдней боли...

И въ ужасѣ, сковавшемъ всѣ сердца,
Оцѣпенѣлый міръ алкалъ освобожденья,
Разъятія желѣзнаго кольца,—
Но не было ни смерти, ни рожденья.

ТКАЧЪ.

Надъ докучной, сѣрой тканью,
Ткачъ упорный, я поникъ...
Вѣрный темному алканью,
Тку—сплетаю съ мигомъ мигъ...

Часто-часто за работой,
Чуть замедлишь, рвется нить...
Даже краткою дремотой
Страшно сердце осѣнить!..

Сиръ мой трудъ, узка основа...
Мой челнокъ проворенъ, скоръ...
Вспыхнулъ день, и тку я снова
Незатѣйливый узоръ...

Долго-ль мнѣ въ докучной долѣ
Тратить трепетъ слабыхъ силъ,
Знаетъ только Тотъ, Кто въ полѣ
Льну и ростъ и цвѣтъ судилъ...

Вечерѣетъ, и невольно
Тѣнь сдвигается къ станку...
Что-то грустно, что-то больно—
Ужъ не саванъ ли я тку?

КОЛОКОЛЪ.

Зычно и скорбно, ударъ за ударомъ,
Міру уснувшему колоколъ пѣлъ...
Точно набатъ передъ близкимъ пожаромъ,
Долго и гулко гудѣлъ.

Пѣлъ онъ съ угрозой, съ увѣрчивой лаской
Съ горькою жалобой, дрогнувъ, рыдалъ,—
Громомъ взыскующимъ, дѣтскою сказкой
Въ сумракъ глухой упадалъ...

Чудился въ звонѣ обѣтъ воскресенья,
Слышалась скорбная смертная вѣсть,—
Сумрачный возгласъ пустыннаго рвенья,
Жажда прощенья и месть...

*

Пѣлъ онъ и въ полночь и въ утро святое—
Съ бурей смѣялся и плакалъ въ тиши,
Но откликалось лишь эхо лѣсное—
Вмѣсто сонливой души...

Точно набатъ передъ близкимъ пожаромъ,
Міру безпечному колоколъ пѣлъ...
Зычно и скорбно, ударъ за ударомъ,
Тщетно о Богѣ гудѣлъ...

КОЧЕВНИКИ.

Качнулись послѣднія стѣны!
Отнынѣ неволя—просторъ,
Нѣмое стремленье безъ смѣны
И къ далямъ прикованный взоръ...

Уже, за послѣднимъ порогомъ,
Нагіе, мы скорбно стоимъ
Предъ звѣзднымъ, невѣдомымъ Богомъ
Съ безсильнымъ алканьемъ своимъ...

Какъ пламя—истома движенья
Внѣ жизни, внѣ будничныхъ вѣхъ!
Какъ горькое пламя—прозрѣнье
Въ убожество смертныхъ утѣхъ

И полдень, и полночь—безъ грани...
Нашъ духъ разрѣшилъ рубежи...
Отсель намъ, въ неволѣ скитаній,
Не встрѣтить ни узъ, ни межи...

Впередъ, все впередъ—по безводнымъ
Пустынямъ блистательной тьмы...
Хвала и проклятье свободнымъ,
Имъ вновь не воздвигнуть тюрьмы!

ОДИНОЧЕСТВО.

Среди людей, я средь—чужихъ...
Мнѣ въ этомъ мірѣ не до нихъ,
Какъ имъ, въ борьбѣ и шумѣ дня,
Нѣтъ въ жизни дѣла до меня...

Въ дорогѣ дальней имъ, какъ мнѣ,
Тужить, блуждать наединѣ...
Мнѣ въ мой просторъ, въ мою тюрьму,
Входить на свѣтѣ одному...

Пока въ пути не встанетъ грань,
Намъ всѣмъ томительную ткань
Рукою сирой въ жизни ткать—
Душою замкнутой алкать...

Звучитъ по разному у всѣхъ
Одинъ и тотъ же стонъ и смѣхъ,—
На всѣхъ ткачей одинъ станокъ,
Но каждый сиръ и одинокъ...

МИГЪ СВОБОДЫ.

Vae victis!

Надъ угрюмою темницей,
Надъ оградою глухой,
Пробѣгаютъ вереницей
Тучи въ пляскѣ грозовой...
Имъ привольно, на свободѣ,
Въ безконечномъ хороводѣ
Дали міра измѣрять,—
Громоздиться въ небѣ съ громомъ
Яркимъ молніи изломомъ
Долъ пустынный озарять...

Вмѣстѣ съ ними, въ вихрѣ дикомъ,
Изъ ущелій дальнихъ горъ,
Вѣтеръ шумный съ воемъ, крикомъ,
Выбѣгаетъ на просторъ...

То гудитъ въ степи безлюдной,
Будто въ бой послѣдній, трудный,
Трубитъ въ тысячи роговъ...
То притихнетъ, точно внемлетъ,
Всѣ ли, кто въ неволѣ дремлетъ,
Откликаются на зовъ...

Но въ отвѣтъ на кличъ мятежный
Слышенъ только тихій стонъ
Да въ тревогѣ безнадежной
Ржавой цѣпи скрипъ и звонъ...
И несется вѣтеръ снова,
Полный бѣшенства лихого,
Зыблетъ море и лѣса,—
Торопя свой вихрь пѣвучій,
Раздуваетъ въ небѣ тучи,
Будто въ морѣ паруса...

Съ нимъ уходитъ мигъ отрады—
Глуше ропотъ... дальше вой...
Только громче вдоль ограды
Бродитъ зоркій часовой!

ЭЛЕГІЯ.

Мысль въ разлукѣ съ вѣщимъ сномъ...
Сердце—въ сумракѣ ночномъ...
Дождь пустынный за окномъ...

Свистъ за дверью, вой въ трубѣ...
Вѣкъ проживъ въ пустой борьбѣ,
Вспоминаю о себѣ...

Меркнетъ цвѣтъ и гаснетъ свѣтъ...
Ни тревогъ, ни мира нѣтъ...
Въ мигѣ—много тысячъ лѣтъ...

Точно я ужъ вѣчность жилъ,
Вѣчность сѣтовалъ, тужилъ,
Тайнѣ вѣчности служилъ...

Ночь... И только мысль во мнѣ,
Съ тьмой ночной наединѣ,
Тускло тлѣетъ въ глубинѣ...

Тьма... Лишь воетъ за окномъ,
Все о томъ же, объ одномъ,
Вѣтеръ въ сумракѣ ночномъ...

MARCIA EROICA

Tuba mirum spargens sonum
Per sepulchra regionum.

Памяти Н. Л. Тарасова.

Въ снѣжной пустынѣ при блѣдной лунѣ,
Мечется Витязь на бѣломъ конѣ...
Скачетъ съ угрюмымъ своимъ трубачемъ,
Машетъ въ пустыню тяжелымъ мечемъ...

Глухо и скорбно серебряный рогъ,
Въ мертвомъ безмолвіи бѣлыхъ дорогъ,
Будитъ полуночный дремлющій міръ,
Сирыхъ и скорбныхъ зоветъ на турниръ...

Дико и сумрачно конь Его ржетъ,
Съ дрожью таинственный кличъ узнаетъ,
Рвется, трепещетъ, встаетъ на дыбы,
Ждетъ, не дождется разгула борьбы...

Глухо отвѣтствуя, льется въ просторъ
Пѣніе трубъ, повторяющихъ сборъ...
Искрится, зыблется лунная мгла,
Дрогнула полночь, вся ночь ожила...

Въ снѣжной пустынѣ, средь лунныхъ огней,
Бѣлые всадники гонятъ коней...
Слышится съ запада посвистъ лихой...
Близится съ сѣвера топотъ глухой...

Мчатся-сдвигаются, съ пѣньемъ роговъ,
Въ скорбномъ побоищѣ вихри враговъ...
Снѣжнымъ туманомъ дымятся поля...
Бѣлымъ пожаромъ объята земля!

Только темнѣетъ луна въ небесахъ,
Только взрываетъ серебряный прахъ,
Грозно сойдясь—лезвеемъ къ лезвею—
Бѣлая конница въ бѣломъ бою...

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ.

Проходитъ жизнь въ томленіи и страхѣ...
Безмѣренъ путь...
И каждый мигъ, какъ шагъ къ угрюмой плахѣ,
Сжимаетъ грудь...

Чѣмъ ярче день, тѣмъ сумрачнѣе смута
И глуше часъ...
И, какъ въ быломъ, солжетъ, солжетъ минута
Не разъ, не разъ!

Мой домъ, мой кровъ—безлюдная безбрежность
Земныхъ полей,
Гдѣ съ дѣтскимъ плачемъ сѣтуетъ мятежность
Души моей,—

*

Гдѣ, въ лунный часъ, какъ воронъ на курганѣ,
Чернѣю я,
И жду, прозрѣвшій въ жизненномъ обманѣ,
Небытія!

НА ПОЛѢ ВАТЕРЛО.

Склонись съ тоскою всякое чело—:
Пасется Миръ въ равнинѣ Ватерло!
Гдѣ до небесъ рычалъ сраженный левъ,
Стоятъ теперь корыто, ясли, хлѣвъ,
Шумитъ трава и, въ часъ иныхъ заботъ,
Проходитъ плугъ и бродитъ мелкій скотъ...
Гдѣ грозно смерть гнала свою мятель,
Теперь пастухъ поетъ въ свою свирѣль...
Что въ гордомъ снѣ замыслилъ Человѣкъ,
Смела гроза, суровый мечъ разсѣкъ!
Что жъ, сердце, съ болью мечешься въ груди!
Тужи, но знай—Пустыня впереди...
Умолкнетъ въ мірѣ всякая молва...
На все прольетъ свой скорбный шумъ трава,
Склонивъ къ покою каждое крыло—
Какъ этотъ миръ въ равнинѣ Ватерло!

MADONNA MISERIA.

Бѣгутъ часы... Въ глухомъ и тщетномъ спорѣ
Слѣпому сердцу чуждо торжество...
Привѣтъ тебѣ, мое земное горе,
Что бодрствуешь у ложа моего!
Въ далекій часъ, когда еще впервые
Глядѣлъ я въ глубь безоблачнаго дня
И расцвѣтали сны мои живые,
Ты сумрачно баюкало меня...
Потомъ, потомъ... когда съ нѣмой тоскою
Склонилъ я низко скорбное чело,
Ты преданной костлявою рукою
На торгъ людской невольника вело!
И въ этотъ часъ, когда въ заботѣ мелкой
Я весь поникъ, безсильный и больной,
Ты безглагольной вѣрною сидѣлкой
Въ безмолвіи бесѣдуешь со мной...

ЗОДЧІЙ.

С. А. Полякову.

Своенравнымъ Зодчимъ сложенъ
Домъ, въ которомъ я живу,
Гдѣ мой краткій сонъ тревоженъ,
Гдѣ томлюсь я наяву...

Много въ немъ палатъ огромныхъ,
Нишъ пустынныхъ и зеркалъ,
Въ чьихъ углахъ, въ чьихъ безднахъ темныхъ,
Отблескъ солнца не сверкалъ.

Много въ немъ—средь мрачныхъ келій,—
Масокъ, каменныхъ звѣрей,
Лѣстницъ, мшистыхъ подземелій,
Ложныхъ оконъ и дверей...

Скорбенъ въ домѣ день короткій...
Скорбно мѣсяцъ, зыбля мглу,
Черный крестъ моей рѣшетки
Чертитъ въ полночь на полу...

Низки сумрачные своды
Надъ твердыней сѣрыхъ стѣнъ—
Въ замкѣ, гдѣ и дни и годы
Я влачу свой долгій плѣнъ...

ВЕЧЕРНІЙ ДЫМЪ.

Аминь! Аминь! Законченъ кругъ дневной,
Нашъ малый кругъ...
Почилъ и звонъ и гулъ борьбы земной,
И серпъ и плугъ...

Скудѣетъ въ небѣ свѣтлая лазурь,
Прошла волна!
Лишь въ темномъ сердцѣ отзвукъ дальнихъ бурь
Не знаетъ сна...

Далекій вихрь увелъ свой пестрый шумъ,
И блескъ и цвѣтъ,
Оставивъ намъ печаль безсильныхъ думъ
И звѣздный свѣтъ...

Раскрылась ночь съ безмолвіемъ своимъ,
    Въ ея тѣни,
Толпа дѣтей, безъ крова мы стоимъ,
    Одни, одни!

Рабы одной галеры въ блескѣ дня,
    Уходимъ мы,
Съ отдѣльной болью жребій свой кляня,
    Въ отдѣльность тьмы...

ЭЛЕГІЯ.

Какъ дымный вечеръ, скорбенъ я...
Какъ шорохъ ночи—рѣчь моя!

Безсильный трепетъ грезъ во мнѣ,
Что лунный блескъ въ морской волнѣ...
Порядокъ вѣщихъ думъ моихъ,
Что звѣздный свѣтъ, печально—тихъ...

Моихъ часовъ докучный бѣгъ—
Какъ въ часъ затишья плавный снѣгъ...

Глухая боль въ груди моей,
Какъ стужа сѣверныхъ полей...
Въ моемъ пути поетъ мятель...
Моя душа—ея свирѣль!

ВИДѢНІЕ СУДА.

ГОЛОСЪ.

Кончайте странствіе, гаданіе и знанье,
Слѣпыя чада вѣчнаго желанья,—
Я должное тревогѣ воздаю,
Познайте нынѣ истину Мою!

Участники Моей любви и славы,
Деревья, камни, звѣри, люди, травы,
Я возвѣщаю нынѣ радость бытію,
Примите сердцемъ заповѣдь Мою!

Кончайте распри, жалобы и споры,
И жаръ молитвъ, и дѣтскіе укоры,—
Разъятое въ единство я солью;
Свершите волю тайную Мою!

ВОЛНЫ.

Мы долго скитались, мы вѣчно бѣжали,
Мы знаемъ, что кроетъ просторъ,—
Тоскуя и пѣнясь, мы мѣрили дали,
Съ покоемъ и съ бурей извѣдали споръ.

Вздымаясь столбами серебряной пыли,
Раскинувъ безъ края свой трепетъ, свой громъ,
Сверканіе молній мы алчно ловили
И звѣздные лики во мракѣ ночномъ.

Играя надъ бездной, взбѣгая на мели,
И съ пляской кидаясь на грудь корабля,
Мы громкую славу Всевышнему пѣли,
Лазурные взоры небесъ веселя...

Расторгнувъ оковы, мы льдины ломали
И бились упорно о сѣрый гранитъ,—
Такъ что же, за подвигъ борьбы и печали,
Въ награду намъ Вѣчность даритъ?

ГОЛОСЪ.

Кончена ваша земная тревога—
Слава исполнившимъ замыселъ Бога!
Волны, въ морской глубинѣ,
Спите навѣки во мнѣ.

ТУЧИ.

Въ просторѣ небесномъ
Мы долго носились,
Надъ гладью земною
Дымились, клубились...
Взрывали мы вихри
И гнали мятели...

Надъ степью, надъ моремъ
Мы долго висѣли.
Пурпурнымъ закатомъ
Румянясь высоко,
Встрѣчали мы сумракъ
Семьей одинокой.
Мы радужный поясъ
Спесиво носили
И свѣтомъ зарницы
Мы людямъ свѣтили.
За долгіе годы
Въ пустынѣ простора
Отъ неба благого
Мы ждемъ приговора.

ГОЛОСЪ.

Кончена ваша земная дорога,
Дѣти туманныя вѣчнаго Бога!
Чада нѣмой синевы,—
Спите навѣки и вы!

ЭХО.

Притаившись въ лѣсахъ и ущельяхъ нѣмыхъ,
Всюду ждалъ я рожденія гимновъ живыхъ,—
На орлиные крики средь скалъ,
На мольбу и на стонъ отвѣчалъ.

Неусыпно внималъ я сонливой землѣ
Въ ликованіи дня и въ полуночной мглѣ,
Откликался на зовъ мудреца
И на дерзостный хохотъ глупца...

Отъ людей я къ Тебѣ возлеталъ съ ихъ мольбой,
Лишь не могъ въ ихъ сердцахъ отозваться Тобой,
Многократно Твой громъ повторилъ,
Но не многихъ призывъ разбудилъ.

Если властенъ и впредь ихъ торгашескій крикъ,
Пусть не слышитъ мой слухъ, онѣмѣетъ языкъ,
За неволю въ пустынѣ земной
Я не жажду награды иной...

ГОЛОСЪ.

Скорбный отвѣтчикъ тоскливаго зова,
Конченъ твой жребій алканья земного...
Въ горныхъ ущельяхъ, въ лѣсахъ и степи,
Бѣдное эхо, умолкни и спи!

МУДРЕЦЪ.

Предвидя грань, покой и темноту,
Благодарю Тебя за гордую мечту,
За трепетъ думъ и пламя свѣтлой вѣры;
За сладкій жаръ обманчивыхъ страстей,
И зрѣлище нарядности Твоей,
И радость бытія, звучавшую безъ мѣры!

Ты далъ моей душѣ великій даръ любви
И силу превозмочь въ глухой борьбѣ всю землю,
И разорвать ея обмановъ сѣть,—
Я видѣлъ, Господи, всѣ празднества Твои,
И смерть, Твой лучшій даръ, съ любовію пріемлю—
Теперь и я достоинъ умереть...

ГОЛОСЪ.

Молкнетъ отнынѣ земная тревога—
Слава исполнившимъ замыселъ Бога!
Силы живыя, въ нѣмой тишинѣ,
Спите навѣки во мнѣ!

NOCTURNE.

Часъ полночный... Мигъ неясный...
Звѣздный сумракъ...—Тишина...
Слабыхъ крыльевъ взмахъ напрасный,
Мысль—какъ колосъ безъ зерна!

Весь свой вѣкъ, какъ рабъ угрюмый
Въ опустѣломъ рудникѣ,
Пролагаю ходы, трюмы,
Съ тяжкимъ молотомъ въ рукѣ...

Много въ мірѣ насъ стучало,
Вскинувъ горестный топоръ,—
Мы не знаемъ, гдѣ начало
Въ лабиринтѣ нашихъ норъ...

Все-то знанье:—что отъ вѣка
Милліоны слабыхъ рукъ,
Точно сердце человѣка,
Повторяли тотъ же стукъ...

Весь удѣлъ въ тюрьмѣ гранитной,
Въ сѣромъ храмѣ древнихъ скалъ:—
Чтобы молотъ стѣнобитный
Одиноко упадалъ...

Дни идутъ—пройдутъ ихъ сотни—
Подземелью края нѣтъ...
Только смерть—нашъ День Субботній,
Блѣдность искры—весь нашъ свѣтъ!

ВѢНЧАНІЕ.

Памяти М. А. Морозова.

Вѣнчальный часъ! Лучистая Зима
Хрустальные раскрыла терема...

Бѣлѣетъ лебедь въ небѣ голубомъ...
И бѣлый хмель взметается столбомъ...

Лихой гонецъ, взрывая бѣлый дымъ,
Пѣвучимъ вихремъ мчится къ молодымъ..

Дымитъ и скачетъ, трубитъ въ бѣлый рогъ,
Роняетъ щедро жемчугъ вдоль дорогъ...

Въ вѣнчальномъ полѣ дикая Мятель
Прядетъ-свиваетъ бѣлую кудель...

Поютъ ея прислужницы и ткутъ,
Тебя въ свой бархатъ бѣлый облекутъ, —

И будешь ты, на вѣчность темныхъ лѣтъ,
Мой блѣдный княжичъ, щеголемъ одѣтъ...

Твоихъ кудрей веселыхъ нѣжный ленъ
Вѣнцомъ изъ лилій будетъ убѣленъ...

И въ тайный часъ твоихъ вѣнчальныхъ грезъ
Поникнешь ты средь бѣлыхъ—бѣлыхъ розъ...

И трижды краше будешь ты средь нихъ,
Красавецъ блѣдный, бѣлый мой женихъ!

ПОЛНОЧЬ.

Какъ молотъ, вскинутый судьбой,
Ночныхъ часовъ пустынный бой
Поетъ, что будетъ новый день,
Иной разсвѣтъ, иная тѣнь...

Но Тотъ, Кто мигамъ бѣгъ судилъ,
Ихъ въ нить таинственную свилъ,
Въ своей великой тишинѣ,
На роковомъ веретенѣ...

Часы на башнѣ полночь бьютъ,
Сказанье древнее поютъ,
Одно и то же въ бѣгѣ лѣтъ
И тамъ, гдѣ тьма, и тамъ, гдѣ свѣтъ!

Умолкъ двѣнадцатый ударъ...
И что же—старый столь же старъ,
И нищій нищъ, какъ въ прежній срокъ,
И одинокій—одинокъ...

Правдиво время—вѣренъ счетъ!
Но жизнь проходитъ, жизнь течетъ,
Клоня—склоняясь въ прахъ и тлѣнъ
Безъ новизны, безъ перемѣнъ...

МАЯТНИКЪ.

Въ тягостномъ сумракѣ ночи нѣмой
Мѣрно качается Маятникъ мой,
Съ визгомъ таинственнымъ, ржаво скрипя,
Каждый замедлившій мигъ торопя...

Будто съ тоской по утраченнымъ днямъ
Кто-то, по древнимъ глухимъ ступенямъ,
Поступью грузной идетъ въ глубину,
Ниже, все ниже,—во тьму, въ тишину...

Будто съ угрюмой мольбой о быломъ
Сумрачный Кормчій упорнымъ весломъ
Глухо, размѣренно, гонитъ ладью
Въ даль, въ неизвѣстную пристань мою...

Призракъ Галеры плыветъ да плыветъ...
Дальше, все дальше, все глуше поетъ
Скорбный и мѣрный, отрывистый звонъ—
Шествіе Часа въ пустынѣ временъ...

СОДЕРЖАНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ

ДЫМНЫЯ ДАЛИ.

СБОРЪ ВИНОГРАДА.

БѢЛЫЕ ВИХРИ.

КАТАЛОГИ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВЪ

«СКОРПІОНЪ», «МУСАГЕТЪ»
и «АЛЬЦІОНА».

КАТАЛОГЪ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
«СКОРПIОНЪ»

МАРТЪ 1911 ГОДА.

I. СТИХИ.

Ю. Балтрушайтисъ. Земныя Ступени. Элегiи. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

К. Д. Бальмонтъ. Полное собранiе стиховъ.

Томъ I. (Подъ сѣвернымъ Небомъ. Въ безбрежности. Тишина). М. 1908. Изданiе третье. Ц. 2 р.

Томъ II. (Горящiя Зданiя). Изданiе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Изданiе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ IV. (Литургiя Красоты). Печатается.

Томы V, VI, VIII, IX готовятся къ печати.

Томъ VII (Жаръ-Птица). Фронтисписъ К. Сомова. М. 1907. Ц. 2 р.

Томъ X. (Хороводъ Временъ). М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

Валерiй Брюсовъ. Пути и перепутья. Собранiе стиховъ 1892—1909 гг.

Томъ I. Стихи 1892—1901 гг. (Chefs d'œuvre. Me eum esse. Tertia Vigilia). Вторая тысяча. М. 1907 г. Ц. 2 р.

Томъ II. Стихи 1902—1906 гг. (Urbi et Orbi. Stephanos). Вторая тысяча. М. 1908. Ц. 2 р.

Томъ III. Стихи 1907—1909 гг. (Всѣ Напѣвы). Вторая тысяча. М. 1909. Ц. 2 р.

Ив. Бунинъ. Листопадъ. Стихотворенiя. М. 1905 г. Ц. 1 р.

Андрей Бѣлый. Золото въ Лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904. Ц. 2 р.

Поль Верлэнъ. Собраніе стиховъ. Въ переводѣ Валерія Брюсова. М. 1911. Ц. 2 р.

Юрій Верховскій. Разныя стихотворенія. М. 1908 г. Ц. 80 к.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Гумилевъ. Жемчуга. Стихи. Обложка Д. Кардовскаго. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Cor Ardens. Speculum Speculorum. Эросъ. Любовь и смерть. Фронтисписъ К. Сомова (хромолитографія). Печатается.

М. Кузминъ. Сѣти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій съ портретомъ автора. Ред. Валерія Брюсова. М. 1904 г. Ц. 2 р.

Николай Морозовъ. Звѣздныя пѣсни. Съ 2 картами звѣзднаго неба. Обложка М. Соломонова. М. 1910 г. Ц. 1 р. 50 к. (Наложенъ арестъ).

Пять поэтовъ. (Пентадій, Авсоній, Порфирій, Клавдіанъ, Луксорій). Въ переводѣ Валерія Брюсова. Готовится.

Ѳедоръ Сологубъ. Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Оскаръ Уайльдъ. Тюремная баллада. Переводъ К. Бальмонта. Обложка М. Дурнова. М. 1904 г. Ц. 50 к.

Ультъ Уитманъ. Побѣги травы. Пер. К. Бальмонта. М. 1911. Ц. 1 р. 80 к.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

Валерій Брюсовъ. Земная Ось. Разсказы и драматическія сцены. 2-е, дополненное изд. Иллюстраціи Альберто Мартини. М. 1910. Ц. 2 р. 20 к.

Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. Изд. 2-е, дополненное примѣчаніями. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Андрей Бѣлый. Серебряный Голубь. Повѣсть въ семи главахъ. Обложка Н. Уткина. М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія (1-я, героическая). Въ 4 частяхъ. Обложка по рисунку Обри Бердслея. М. 1904 г. Ц. 75 к.

Андрей Бѣлый. Кубокъ метелей. 4-я симфонія. Обл. А. Өедотова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Кнутъ Гамсунъ. Сьеста. Очерки и разсказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900 г. Ц. 1 р.

М. Кузминъ. Первая книга разсказовъ. (Приключенія Эме Лебефа. Письма Клары Вальмонъ. Тѣнь Филлиды. Флоръ и разбойникъ. Рѣшеніе Анны Мейеръ. Кушетка тети Сони. Крылья). М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

М. Кузминъ. Вторая книга разсказовъ. (Подвиги Великаго Александра. Повѣсть объ Елевсиппѣ. Нѣжный Іосифъ). М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

Жагадисъ. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Өеофилактова. М. 1905. Ц. 65 к.

Эдгаръ По. Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта.

Томъ I. Поэмы, сказки. Готовится второе изданіе.

Томъ II. Разсказы, статьи. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к.

Томъ III. Страшные разсказы, гротески. Готовится.

Ст. Пшибышевскій. Собраніе сочиненій.

Книга II. Pro domo mea. De profundis. У Моря. Сыны Земли (романъ въ 3 частяхъ) и др. Переводъ М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. Обложка Е. Надельмана. М. 1905 г. Ц. 2 р. 40 к.

Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Өеофилактова. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.

Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ

чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Переводъ М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906 г. Ц. 1 р.

Ст. Пшибышевскій. Сыны Земли. Романъ. Переводъ Е. Троповскаго. М. 1905 г. Ц. 50 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Жало Смерти. Разсказы. М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

III. ДРАМЫ.

Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ съ рукописи Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна. М. 1909 г. Ц. 80 к.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1909 г. Ц. 50 к.

Зигмунтъ Красинскій. Небожественная комедія. Пер. А. Курсинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. Ц. 60 к.

Л. Зиновьева-Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 80 к.

Шарль ванъ-Лербергъ. Панъ. Они почуяли. М-lle Коси-Сѣно. Сказки. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Ѳеофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.

Шарль ванъ-Лербергъ. Они почуяли. М-lle Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.

Морисъ Мэтерлинкъ. Стихи. Пеллеасъ и Мелизанда. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3 портретами М. Мэтерлинка и статьей о его жизни и творчествѣ. М. 1905 г. Ц. 1 р.

Ст. Пшибышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Брунеллески. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи)

М. Ликіардопуло и А. Курсинскаго. Съ 3 портретами О. Уайльда. М. 1907. Ц. 80 к.

Артуръ Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія („Парацельсъ“, Подруга“, Зеленый попугай“). Перев. съ нѣмецкаго. М. 1900 г. Ц. 60 к.

IV. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

К. Бальмонтъ. Змѣиные цвѣты. Путевыя письма изъ Мексики. Съ 43 рис. М. 1910 г. Ц. 3 р.

Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Валерій Брюсовъ. Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. 2 изд. М. 1910 г. Ц. 40 к.

Валерій Брюсовъ. Aurea Roma. Золотой Римъ. Очерки литературы и жизни IV в. по Р. Х. Готовится.

Г. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго М. Семенова. М. 1902 г. Ц. 70 к.

Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р.

Письма Пушкину и къ Пушкину. Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле рисунковъ и рукописей А. Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

Арт. Симонсъ и Робертъ Россъ. Обри Бердслей. Авториз. переводъ М. Ликіардопуло. Съ портретомъ О. Бердслея и воспроизведеніемъ его рисунковъ. Готовится.

V. АЛЬМАНАХИ.

Сѣверные цвѣты на 1901 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901 г. Ц. 1 р.

Сѣверные цвѣты на 1902 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902 г. Ц. 1 р.

Сѣверные цвѣты. Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, разсказы, статьи: К. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппіусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковскаго, Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевскаго, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма: А. С. Пушкина, Ѳ. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, Н. Некрасова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904 г. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты Ассирійскіе на 1904 — 5 гг. Роскошное изданіе. Содержаніе: „Три расцвѣта", драма К. Бальмонта. „Земля", сцены изъ будущихъ временъ Валерія Брюсова. „Танталъ", трагедія Вяч. Иванова. Стихи и разсказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ѳ. Сологуба, Н. Минскаго, З. Гиппіусъ, М. Криницкаго, Ю. Череды, Л. Зиновьевой-Аннибалъ и др. Обложка и всѣ украшенія Н. Ѳеофилактова. М. 1905 г. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты на 1911 годъ. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. (Печатается).

VI. АЛЬБОМЫ.

Н. Ѳеофилактовъ. 66 рисунковъ (исполненныхъ фототипіей, одноцвѣтной и многоцвѣтной автотипіей). М. 1908 г. Ц. 3 р.

К. Юонъ. Сотвореніе міра. 7 автотипій. 1910. Ц. 1 р.

VII. МУЗЫКА.

Куранты Любви. Слова и музыка М. Кузмина. 30 стр. текста+70 стр. нотъ. Рисунки С. Судейкина и Н. Ѳеофилактова. М. 1910. Ц. 3 р.

VIII. „ВѢСЫ".

Ежемѣсячникъ искусствъ и литературы. Шесть лѣтъ изданія (1904—1909). 72 №№, свыше 7000 страницъ текста боль-

шого формата съ рисунками (черными и въ краскахъ), заставками и концовками извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ „Вѣсахъ“ напечатаны **неизданные** стихи, повѣсти, разсказы, драмы, статьи, письма, воспоминанія русскихъ и иностранныхъ писателей: Ренэ Аркоса, С. Ауслендера, Ю. Балтрушайтиса, К. Бальмонта, Е. Баратынскаго, О. Бердетта, А. Блока, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, М. Волошина, Эмиля Верхарна, З. Гиппіусъ, Ренэ Гиля, Ж. де Гурмона, С. Городецкаго, В. Гофмана, Н. Гумилева, И. Грабаря, В. Жуковскаго, Вяч. Иванова, В. Каллаша, М. Кальвокоресси, Антона Крайняго, А. Кондратьева, М. Кузмина, Н. Лернера, М. Ликіардопуло, Д. Мережковскаго, В. Морфила, Н. Минскаго, Дж. Папини, С. Полякова, А. С. Пушкина, Ст. Пшибышевскаго, А. Ремизова, В. Розанова, Р. Росса, И. Рукавишникова, Б. Садовского, Вл. Соловьева, С. Соловьева, Ѳ. Сологуба, Е. Тарасова, гр. А. Н. Толстого, Оскара Уайльда, К. Чуковскаго, Г. Чулкова, Эллиса, П. Эттингера и мн. др. Въ „Вѣсахъ“ воспроизведены (въ одну и нѣсколько красокъ), картины, рисунки, заставки и концовки слѣдующихъ художниковъ: А. Арапова, Л. Бакста, В. Борисова-Мусатова, М. Врубеля, В. Дриттенпрейса, О. Гиліа, К. Вальзера, А. де Каролисъ, Р. Костетти, Фр. Кристофа, Н. Крымова, М. Ларіонова, И. Левитана, Павла Кузнецова, А. Мартини, В. Миліоти, Л. Пастернака, О. Рэдона, Н. Рериха, Т. ванъ Риссельберга, А. Рувейра, Н. Сапунова, К. Сомова, Т. Стерджъ-Мура, С. Судейкина, М. Шестеркина, Фидуса, К. Юона, Г. Якулова, Н. Ѳеофилактова и мн. др.

Значительная часть матеріала, обнародованная въ „Вѣсахъ“, больше нигдѣ не появлялась.

Цѣна полнаго комплекта „Вѣсовъ" за всѣ шесть лѣтъ изданія—**40** руб. безъ пересылки. Отдѣльные годовые комплекты: 1904, 1905 и 1906 — по **6** руб. безъ пересылки, 1908, 1909—по **7** руб. безъ пересылки. Комплектъ за 1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. (**безъ 1907 г.**)—**27** руб., безъ пересылки; **1907 г. отдѣльно не продается**. Пересылка по дѣйствительной стоимости. Издательство сохраняетъ за собою право повысить указанныя цѣны по мѣрѣ израсходованія комплектовъ.

РАСПРОДАННЫЯ ИЗДАНІЯ.

Габріэль д'Аннунціо. Трагедіи. (Мертвый городъ. Джіоконда. Слава). Пер. Ю. Балтрушайтиса. М. 1900.

К. Д. Бальмонтъ. Будемъ какъ Солнце. М. 1903 г.

Валерій Брюсовъ. Tertia Vigilia. Стихи 1897 — 1900 гг. М. 1901 г.

Валерій Брюсовъ. Urbi et Orbi. Стихи 1900 — 1903 гг. М. 1904 г.

Валерій Брюсовъ. Stephanos. Стихи 1904 — 1906 гг. М. 1906 г.

Александръ Блокъ. Нечаянная Радость. 2-й сборникъ стиховъ. М. 1907 г.

Андрей Бѣлый. Симфонія. (2-я, драматическая). М. 1902 г.

Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности. Переводъ В. Брюсова. М. 1908.

А. Добролюбовъ. Собраніе стиховъ. Предисловіе Валерія Брюсова и Ив. Коневского. М. 1900 г.

Кнутъ Гамсунъ. Панъ. Пер. С. А. Полякова. М. 1902 г.

Генрикъ Ибсенъ. Когда мы, мертвые, проснемся. Переводъ С. А. Полякова и Ю. Балтрушайтиса. Изд. I и II. М. 1900 г.

Лукрецій Каръ. О природѣ вещей. Перевелъ И. Рачинскій. М. 1904 г.

Юрій Сидоровъ. Стихотворенія. Вступительныя статьи А. Бѣлаго, Б. Садовского, С. Соловьева. Рисунокъ О. П. Михайловой. Украшенія А. А. Арапова. М. 1910. Ц. 1 р.

Листки изъ утраченнаго альбома Елизаветы Николаевны Ушаковой. Факсимильное изданіе рукописи. Стихотворенія А. С. Пушкина, кн. П. А. Вяземскаго, Н. Д. Иванчина-Писарева, кн. П. И. Шаликова, А. Башилова, безъ подписи сочинителя; карандашный рисунокъ А. С. Пушкина. (Печатается).

А. С. Пушкинъ. Сужденія о всемірной литературѣ, собранныя систематически подъ редакціей и съ предисловіемъ Валерія Брюсова. (Готовится).

Барбэ Д'Оревильи. Дендизмъ и Джорджъ Брёммель. Вступительная статья М. Кузмина. Переводъ М. А. Петровскаго. (Печатается).

Поль Верлэнъ. Записки вдовца. Вступительная статья Валерія Брюсова. Переводъ С. Я. Рубановича. Портретъ Верлэна. работы Н. Гончаровой. Рисунки Валлотона, П. Верлэна, Казальса, Коля и др. М. 1910. Ц. 1 р.

Іоаннъ Секундъ. Поцѣлуи. Переводъ съ латинскаго въ стихахъ Сергѣя Соловьева. (Готовится).

